

Юрий Назаренко

Скандал в вампирском
семействе

Юлия Валерьевна Набокова

Скандал в вампи́рском семействе

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634245

Скандал в вампи́рском семействе: Альфа-книга; Москва; 2011

ISBN 978-5-9922-0772-9

Аннотация

Скандал в благородном семействе потомственных вампиров! Младшенькая стодвадцатилетняя Лиза влюбилась. В человека! Родители приняли известие в клыки. Возлюбленный не подозревает, что Лиза – вампир. Ох, что теперь начнется!

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
1	8
2	36
3	74
4	85
5	95
6	114
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Юлия Набокова

Скандал в вампи́рском семействе

Влюбиться в человека – это страшно? Это романтично. Это прекрасно и мучительно. Тебя ждут ужасные терзания. Ты поймешь, что такое бессонница: это сон на жесткой постели без нежного гроба. Узнаешь вкус смерти, когда вместо крови подали горький шашлык. И главное – привыкнешь жить светлым, отравленным ДНЕМ. Потому что любовь – побеждает все.
Зотов. Республика Ночь

Пролог

Мороз-художник рисовал на окнах домов ледяные узоры. Подсвеченные изнутри, окна походили на расписанные абражуры. За каждым теплилась жизнь. Каждое освещенное окно было дверью в человеческую жизнь – короткую, стремительную, но полнокровную. Заглянуть бы туда хоть на миг, погреться у огня чужого очага, украсть мгновение чужого счастья – но поздно.

Смеясь и повизгивая, меня обогнали три румяные студентки и юркнули в теплое нутро подъезда, торопясь со-

греться. Если верить новостям, в последний раз такая стужа в Москве была зимой 1899-го. Я тогда была еще девочкой и целыми днями просиживала у камина, грея озябшие руки. Теперь я не чувствовала холода, ведь моя собственная кровь была не теплее, чем снег, который не таял на губах. К заледенелому асфальту примерзла дохлая крыса, и я брезгливо обошла ее. В кино любят показывать вампиров, которые пьют крысиную кровь. Лично я таких за сто лет не встречала ни разу.

Поздние прохожие кутались в шарфы, торопясь добраться до дома. Их день заканчивался. Моя ночь только начиналась. Впереди, вывернув из-за угла, замаячила тоненькая женская фигурка. Приталенная дубленка, высокие сапоги, распущенные волосы из-под теплой шапочки – мне хватило секундного осмотра, чтобы прибавить шаг. Девушка следит за собой, значит, ее кожа будет чистой, а тело будет пахнуть французскими духами...

Жертва почуяла меня, когда нас разделяло шагов пять. Испуганно обернулась, и на хорошеньком личике отразилось облегчение. Роковая ошибка. Не стоит недооценивать хрупких блондинок, выглядящих на двадцать лет. Ведь они могут оказаться столетними вампиршами. Она даже не успела ничего понять, когда я стремительно шагнула к ней, поймав концы алого шерстяного шарфа, и рывком притянула к себе, нетерпеливо вдохнув аромат ланкомовского парфюма. Ничего личного, я просто голодна. Шарф стек к ногам послуш-

ной змейкой. Клыки резко прошили шею, и жертва безвольно обмякла, пока я лакомила ее кровью. Закончив, я осторожно опустила ее на землю и отступила на шаг.

Девушка оказалась слабой. Я выпила совсем немного ее крови, но она свалилась в глубокий обморок. На улице было холодно, бросить девушку там означало подвергнуть ее опасности. Остаться рядом – означало подвергнуть опасности себя. Я уже сделала шаг в сторону, когда под ногами завибрировал мобильный, выпавший из ее сумочки. Из любопытства я подняла его и открыла входящую эсэмэску. «Сию в аэропорту, жду посадки. Хочу скорее к тебе! Люблю, скупаю. До встречи, милая!»

В коротком сообщении таилась целая история любви и разлуки, предвкушение скорого свидания, признание в чувствах и обещание счастья. Девушка, которую я равнодушно бросила к ногам, насытившись, для кого-то была самой любимой и самой желанной на свете. И сейчас речь шла не только о ее жизни, но и о счастье незнакомого мне мужчины по имени Борис. Заслышав шаги в стороне, я сделала то, чего не делала никогда в жизни – бросилась навстречу позднему прохожему с криком: «Помогите, там девушке плохо!» Убедившись, что моей жертве ничего не грозит, я исчезла. Очнувшись уже у дверей бункера: у меня в руке пиликнул чужой мобильный.

«Объявили посадку. Увидимся в Москве! Хочу скорее тебя обнять». Я читала это послание, отправленное не мне, и в

груди стоял горький ком. Никто никогда мне такого не напишет. Даже спустя тысячу лет. Я заперлась в своей комнате и стала читать все сообщения, хранившиеся в памяти телефона. Их было около тридцати. История любви в эсэмэсках – трогательная и завораживающая. Подсмотренная, украденная, чужая. Меня душили слезы от осознания того, что моя юность ушла, похоронена в склепе вместе с Алексеем, и в моей жизни уже никогда не будет ни щемящей нежности, ни сладостных поцелуев, ни романтических посланий...

Вампирам не пишут эсэмэски. По вампирам не скучают. К вампирам не торопятся из аэропорта и после работы. Люди сами не понимают, какие они счастливые, до тех пор, пока некоторые из них не становятся вампирами. Но тогда уже слишком поздно. Счастье осталось в прошлом. Впереди – вечность и одиночество со вкусом крови на губах.

Уж я-то знаю.

Часть первая

Игра в вампира

1

– Бетти, перестань грызть ногти! Тебе же все-таки сто двадцать лет!

Сидящая напротив за столом блондинка смерила меня раздраженным взглядом и с досадой отставила бокал с темным содержимым – половина французского бордо 1950 года, половина сыворотки первой группы. Со стороны мы могли бы показаться подругами – одного возраста, девушки лет двадцати, белокурые, модно одетые. Но прислушаться к нашему разговору – сомнений не останется. Позвольте представить мою мать Лидию – эталон элегантности, женственности и превосходных манер. И я, ее беспутная дочь Лиза, или, как по старинке зовут меня родители на английский лад, Бетти (хотя лично меня это страшно раздражает, и я считаю, что это имя мне не идет).

В отношениях со мной родительница никак не определится. Если бабушка Софья в соответствии со своим статусом меня все время воспитывает и поучает, то Лидия так и не решила, мать она мне или подруга. Временами на нее напа-

дает материнский инстинкт, она начинает вести себя как курица-наседка, именует меня дочуркой и требует называть ее мамочкой. К счастью, периоды наседки сменяются периодами закадычной подруги. Тогда Лидия кокетливо стонет, что она не может быть мамой такой взрослой дочери, как я, нависает ко мне в подружки, просит величать ее по имени и ночи напролет зажигает со мной в ночных клубах, которые не так давно, в припадке материнского маразма, называла гнездом разврата, а также заимствует у меня маечки, за вульгарность которых отчитывала накануне. Сейчас был как раз такой период. Но Лидия об этом, похоже, забыла, так как выдала свой нравоучительный пассаж из репертуара наседки.

– Хорошо, мамочка, – смиренно отозвалась я, зная, что ничто так не выводит родительницу из себя, как подобное обращение в период закадычной подруги.

На удивление, Лидия на мою дерзость никак не отреагировала, продолжая нервно постукивать ногтями алого цвета по столу. Я с сожалением посмотрела на свои руки – свежий французский маникюр был безнадежно изгрызен. Дурацкая привычка никогда не позволит мне соперничать в совершенстве облика с Лидией. Хорошо хоть в зале по обыкновению царил полумрак и мой конфуз оставался незаметным для других.

По углам сгущалась тьма, тусклые светильники на потолке освещали только длинный прямоугольный дубовый стол, за

которым собралась вся наша семья. Стол был точной копией того, что стоял в дореволюционные времена в нашем петербургском особняке. Еще в те годы он давно утратил свои обеденные функции – ведь еда после превращения нам становилась не нужна. Но и тогда, и сейчас мы по привычке собирались за большим столом, когда нужно было обсудить важные вопросы и принять решение, которое касалось всех.

– Итак, – подал голос отец, – у кого какие соображения?

Для солидности он сегодня ночью надел строгий черный костюм, но выглядел все равно как мальчишка – русоволосый, с мягкими кудрями и гладкими щеками. Вампиром он стал в двадцать два года, когда у него еще борода не начала расти. И сейчас, больше века спустя, он ничуть не изменился. Девочки-подростки до сих пор ему глазки строят. А однажды к нему на улице подошла помощница режиссера и предложила сняться в «Кадетах». И что вы думаете? Мамочке так пришло по душе эта идея, что она уговорила папу прийти на съемочную площадку. В сценарии ему отводилось несколько серий, и – можете себе представить? – никто не заподозрил в нем стосорокалетнего старикана. Хотя понудеть папочка любит, и с годами его терпеть все труднее и труднее.

– Да, подбросил нам Герасим проблем, – заметила тем временем бабушка Софья, с озабоченным видом накручивая на палец золотисто-русый локон.

Между прочим, из всех собравшихся за столом она выглядела самой юной. Ирония судьбы! Я младше всех, а в этой

компании малолеток сойду за самую взрослую. Я стала вампиром позже всех женщин в нашей семье – в двадцать один. Мама – в восемнадцать, бабушка – в шестнадцать.

Так уж у нас повелось, что вампирами становятся после рождения наследников, которым суждено продлить княжеский род Воронцовых. Появился на свет малыш – молодые родители, намыв шеи до блеска, идут к матери с отцом и с почтением принимают укус вечности и последующее превращение. А воспитанием ребенка в дневное время занимается няня. Так как род у нас древний, то и няньки у нас потомственные: привыкли к тому, что их господа – вампиры, поэтому лишнего не болтают, а за свои труды получают по-царски. Каждая нянька, вырастив господского ребенка до совершеннолетия, может изъявить желание сделаться вампиром. Но, как правило, к тому времени у нее самой уже семеро по лавкам, которые требуют присмотра, возлюбленный муж-пьяница, без которого она жизни не представляет, тут уж не до бессмертия.

А почему я позже всех вампиром стала? Так уж получилось. Бабушка родила в шестнадцать и сразу поспешила шею под укус подставить. Мама родила нас с братом в восемнадцать и не стала медлить с превращением. Может, сейчас уже пожалела, что поторопилась. Когда папу на съемки кино пригласили, мамочка, всегда мечтавшая о кинославе, тоже прибежала режиссеру на глаза показаться. Да только в «Кадетках» для нее роли не нашлось, а в «Универ» ее не взяли –

сказали, очень юна. Мамочка такой скандал режиссеру заката, что он поторопился пригласить ее на кастинг в «Ранетки» и всучил сценарий, пообещав взять на главную роль. Вот только мама как дома сценарий прочитала, так той же ночью хотела режиссера покусать. До смерти. Насилу удержали! Так что благодаря нашему с папой героизму «Ранетки» процветают. А мама, похоже, уже жалеет, что погорячилась, посчитав сериал низкопробной подделкой. Но ничего, я уверена, она своего не упустит и обязательно дождетя звездного часа. Уж что-что, а вечность на ожидание у нее есть.

Так вот, я вампиром стала в двадцать один. К счастью, даже рожать не пришлось. По нашим правилам, достаточно одного наследника. Поэтому, когда мой брат-близнец Анатолий обрюхатил свою молодую жену Анфису и та родила продолжателя нашей династии, нас всех троих в один день и покусали. Нас с братом – по доброй воле, а молодую мамашу – против ведома. Неизвестно еще, как бы она отреагировала, открой муж ей всю правду! Зато теперь вон ходит счастливая: ее ровесницы уже давно в земле гниют, а она знай себе шкафы новыми шмотками от Шанель набивает да один за другим романы строчит о современных вампирах. Поклонников у нее – тьма! Родители, когда первую книгу прочитали, чуть от склепа ее не отлучили. Ведь всю правду о нас выложила, поганка! Хоть бы приврала что для красного словца! На семейном совете по случаю выхода книги стены ходуном ходили – такой крик стоял. Думали все – кончилась наша тай-

ная жизнь, теперь спасу от людей не будет. И что вы думаете? Никто не поверил! Глупые людишки восхваляли бурную фантазию нашей Анфиски и непредсказуемый сюжет книги. Поразительно, как они могут быть слепы. Зато нам это только на руку. Родители подулись на Анфиску и перестали, а уж когда ее книжки начали приносить доход, а она сама перестала клянчить семейные драгоценности, чтобы на вырученные за них деньги купить себе обновки, предки и вовсе горячо одобрили ее литературные занятия. Главное, что и Анфиса довольна, и прабабкины бриллианты целы, а с недавних пор еще и папочка сыт. Представляете – вот умора-то! – папочкина физиономия уже месяц красуется на Анфисиных книгах о вампирах. Теперь у него вообще отбоя от поклонниц нет. Мамочка только и успевает зубами щелкать. Зато перед папочкой теперь проблема скудности меню не стоит – все время румяный ходит. Как бы толстеть не начал!

– А я ведь говорила, что не стоит делать кучера одним из нас! – продолжила бабушка, повысив голос.

– Хорошие кучера на дороге не валяются, – угрюмо возразила мама, которая когда-то и убедила семью принять Герасима в нашу семейку бессмертных.

Тут надо пояснить, что если няньки были в курсе того, кем являются их господа, и служили нашему роду верой и правдой долгие годы, то кучера у нас обычно не задерживались. Рано или поздно они начинали что-то подозревать и тогда либо сбегали, либо сходили с ума, либо потихоньку спива-

лись. Самые удачливые женились на няньках и становились хранителями семейной тайны.

Вышеозначенному Герасиму судьба счастливого мужа не грозила: был он уже немолодой, горбоносый и низкорослый, с лицом, не испорченным интеллектом. Помните Шарикова в фильме «Собачье сердце»? Типаж один в один. На такого бы даже самая страшная нянька не польстилась, а наши няньки были все как на подбор видные девахи – кровь с молоком. Все-таки будущих вампиров возвращали! Зато Герасиму в кучерском деле равных не было, и имелось у него еще одно свойство, которое решило его судьбу. Герасим был нем от рождения, как его тезка из рассказа Тургенева, в честь которого его и назвали. А значит, не смог бы никому про нас рассказать. Однако останься он человеком – или сопьется, или умом тронется. Третьего не дано. И вот, устав менять по десять кучеров в год, родственники на семейном совете сошлись на том, что Герасим достоин милости стать одним из нас...

Сорок лет кучер-вампи́р служил нам верой и правдой, а потом, следуя научно-техническому прогрессу, сменил коня на автомобиль. Хоть он и старался, но водителем оказался никудышным и, разбив пятую за год «Волгу», с большим облегчением принял расчет. С тех пор о Герасиме мы вспоминали редко. А честно признаться, не вспоминали вообще. Пока Камилла на годовщину превращения моего отца не притащила в подарок фарфоровую фигурку с блошино-

го рынка. Развернув старую газету, в которую фигурка была завернута, отец обнаружил статью с леденящим душу названием: «Убитый колом – жертва маньяка или вампир?»

В статье сообщалось, что сорокавосемилетний Герасим Иванов обнаружен в подвале своего загородного дома с осиновым колом в груди, а на стене комнаты неизвестный начеркал: «Покойся с миром, вампир». В поисках сенсации борзописец Дятлов облазил весь дом, чтобы сообщить читателям, дескать, вот что странно – спальня убитого находилась в подвале, тогда как помещения наверху выглядели малообжитыми. Не найдя в доме ни чеснока, ни серебряных изделий, ни святой воды, Дятлов пришел к шокирующему выводу, который ставил под угрозу всю нашу конспирацию. Но если учесть, что с момента выхода статьи прошел уже месяц, а крестовый поход против вампиров еще не начат и телевидение молчит на этот счет, то опасаться нам нечего. Тем не менее гибель Герасима от рук неизвестного охотника взбудоражила все наше семейство, и уже на следующую ночь родственники со всей Москвы съехались, чтобы обсудить это трагическое происшествие.

Итак, наш дом был полон. Отец сидел во главе стола, мама нервно барабанила пальцами по столешнице, писательница Анфиса, судя по загоревшимся глазам, предвкушала сюжет для нового вампирского бестселлера, мой вечно спешащий брат Анатолий поглядывал на часы – похоже, опаздывал на один из своих ночных бизнес-ланчей в стриптиз-клубе. Во-

обще-то Анатолий – архитектор, один из лучших в Москве. По его чертежам возведен каждый третий особняк на Рублевке. А несколько лет назад он обзавелся собственной строительной фирмой и теперь строит из себя крутого бизнесмена. Он мне признавался, что ничто так не способствует подписанию договоров, как полумрак и извивающаяся на шесте полуобнаженная танцовщица. Люди-партнеры не глядя подмахивали контракты, а на следующее утро ужасались кабальным условиям – но было уже поздно. Такой метод ведения дел способствовал тому, что за братцем в деловом мире прочно закрепилось прозвище Кровопийца, и это его безмерно веселило. Иногда я завидую брату – он нашел себе дело по душе, а я за сто лет так и не обзавелась профессией. Почти у всех в нашей семье есть свое занятие, только я веду праздный образ жизни, лишь изредка находя себе временную работенку – консультант по исторической эпохе, журналист, гид. Анатолий шутит, что я вампир-фрилансер. Проще говоря – бездельница.

Также за столом присутствовали Тамара с мужем Рафаэлем, модным художником, их дочь Вера с мужем Виктором, владельцы известного ночного клуба «Полнолуние», их сын Никита Брусникин, кинорежиссер, с супругой-актрисой Камиллой Корниловой, их дочь Инна – ныне телеведущая ночного канала для молодежи. Мужа у Инны не было – легкомысленный рок-музыкант бросил ее, тогда студентку журфака, узнав, что она забеременела. Это было роковое решение

в его судьбе. Гибель музыканта потрясла тусовку, но виновника так и не нашли. Был бы умнее, ценил бы красавицу Инну – жил бы себе припеваючи еще не одну сотню лет, написал бы еще тысячу песен, увидел бы, каким видным вырос его сын Макс.

С Максом мы лучшие друзья, и он единственный живой человек в этой комнате. Маша, молодая жена Макса, пока только на шестом месяце, поэтому превращение у него еще впереди. Как все современные парни, Макс жениться не торопился, под венец пошел уже в возрасте двадцати семи лет. Так что я выгляжу его младшей сестренкой, хоть и старше почти на век, а Макс, как это ни смешно, смотрится куда взрослее своего прапрапрадеда – моего отца. Макс после своего деда Никиты – единственный мужчина из всего поколения моих племянников, поэтому и не торопится с превращением. Тамара и Вера не стали тянуть, выскочили замуж в восемнадцать, родили в девятнадцать и сразу же стали вампирами. Очень их напугал тот факт, что у меня, превращенной в двадцать один год, вокруг глаз пара мелких морщинок. Кому ж охота целую вечность с такими недостатками мириться! Вот и поспешили законсервироваться раньше. Ха-ха, неизвестно еще, что лучше – едва заметные морщинки или юношеские прыщи! Тамара в свои сто лет всю «Клерасилом» пользуется – анекдот! Только Инна замуж не торопилась, но так уж вышло – тоже в девятнадцать родила, а потом поддалась на уговоры матери и тоже не стала тянуть

с превращением. Зато теперь публичная профессия вынуждает Инну регулярно менять имидж: ей приходится то выбирать более агрессивный макияж, который ее старит, то делать более взрослую стрижку.

Несмотря на свое положение человека, Макс как будущий полнокровный участник вампирского клана на равных присутствует на семейных совещаниях. А вот Маша, разумеется, пока и знать не знает о том, кем ей самой и ее мужу вскоре предстоит стать. Волноваться в ее положении вредно. А потом уже некогда станет. Опомниться не успеет, как на шею появятся две подживающие ранки, в руке – хрустальный бокал с кровью, а семейство уже на стол накрывает – отмечать пополнение в вампирских рядах.

– Вот что я узнал сегодня днем, – взял слово Макс. – Герасим поселился в Кротово полгода тому назад, жил нелюди-мо, соседей сторонился. Но в то, что он был вампиром, никто не верит. Кстати, Кротово находится неподалеку от кладбища, и соседи заметили, что Герасим частенько туда наведывался. Само собой, ночью.

– Это-то ему зачем? – вздернула брови бабушка Софья. – Неужто все-таки умом тронулся?

– Тут другое. Местное кладбище пользуется популярностью у готов. Они считают его сакральным местом, часто собираются там, чтобы...

– То есть Герасим нашел себе ресторан под звездным небом? – тонко усмехнулась Лидия. – Оригинально. Еда под

боком, и никто этим безумным декадентам не поверит, если они начнут рассказывать про нападение вампира.

На лицо Макса набежала тень, и он бросил короткий, неприязненный взгляд на наполовину опустевший бокал перед Лидией, и я мысленно обругала мать за несдержанность в словах. Когда Макс станет одним из нас, питаться кровью для него станет так же естественно, как сейчас – дышать, но сейчас в нем слишком много человеческого и любое упоминание о нашем рационе кажется племяннику отвратительным. А уж тем более – открытая демонстрация, такая, как хрустальный бокал с кровью.

– А соседи-то что на этот счет думают? – с беспокойством уточнила Камилла.

Как персона публичная, она была больше всех заинтересована в сохранении нашей тайны.

– Немота Герасиму только на пользу была, – пояснил Макс. – Местные кумушки сочинили версию, что он – безутешный вдовец, а на кладбище похоронена его жена. Мол, из-за того, чтобы быть ближе к ней, и в Кротово переехал. В пользу своей версии кумушки не поленились обойти кладбище и нашли как минимум три могилы гражданок Ивановых, годившихся Герасиму в жены и по возрасту, и по дате смерти.

– Хорошо, что наш Герасим не Гнилomedов или Жабодов, – хмыкнул Никита. – А что насчет готов?

– В поселке считают, что готы его и убили, – поведал

Макс, всем своим видом выражая недоверие к этой версии. –
Якобы он им помешал, а они его выследили и убили.

– А милиция что? – нахмурил брови отец.

– А ничего. – Макс безнадежно пожал плечами. – Как
обычно. Дело – очередной всяк. Ни улики, ни свидетелей, ни
подозреваемых.

– А готы? – напомнила Тамара.

– Ага, – хмыкнул Макс, – предложи им тысяч десять че-
ловек по всей Москве арестовать и допросить. Погляжу я,
что они тебе на это ответят.

Родственники загалдели, высказывая свои версии об
убийце. А я бросила взгляд на часы – совсем скоро начнется
латиноамериканская вечеринка, которую я ждала почти ме-
сяц. У латиноамериканских танцоров такая горячая кровь!
Всегда сдержанная, воспитанная Лидия, превыше всего це-
нившая хорошие манеры, – и та однажды захмелела так, что
едва не станцевала сальсу на стойке бара. Снять ее оттуда
удалось только совместными усилиями меня и охранников.
Добрые молодцы, правда, не особо спешили приступить к
своим обязанностям – видимо, надеялись на стриптиз. При-
шлось припугнуть их, солгав, что Лидия несовершеннолет-
няя. Угроза возымела действие, и Лидия оказалась на полу
раньше, чем дошла до последней пуговички на блузке.

– Лида! – отчитывала я ее тогда на глазах у не торопив-
шейся расходиться публики. – Как ты себя ведешь? Что ска-
жет мама?

– Мама перевернется в гробу! – радостно воскликнула Лидия, имея в виду бабушку, которая по старой привычке спала в домовине. Однако, следуя новым тенденциям, приобрела себе комфортабельную лежанку из массива дуба со встроенным кондиционером, телефоном, музыкальным центром и ароматерапией.

Лица охранников и стоящих рядом с нами посетителей ошеломленно вытянулись, а я поспешила увести разошедшуюся родительницу прежде, чем она выложит публике все подробности о нашем вампирском семействе. На следующую ночь Лидия страшно раскисалась в своем поведении, а мне за мое молчание о постыдном эпизоде ее без малого полуторавековой биографии был дарован вождеденный «верту».

– Бетти! – донесся до меня голос отца. – А ты что скажешь?

Я вынула изо рта второй палец – еще один ноготь пал жертвой вредной привычки – и в недоумении подняла глаза на отца.

– Лизавета! – сердито загудел он. Зовет меня полным именем – верный знак того, что гневается. – Нельзя же быть такой беззаботной! Ты опять прослушала все, что мы здесь говорили?!

– Отчего же, – обиженно возразила я, убирая руку под стол, – я все прекрасно слышала.

Отец строго поджал губы и покачал головой. Видел бы он

себя со стороны: типично стариканская мимика на юном безусом лице – что может быть более нелепым?

Посмотреть на нашу семейку, так сразу вспоминается сцена из детского фильма «Сказка о потерянном времени». Однажды, мучаясь дневной бессонницей, я включила телевизор и наткнулась на эту картину. Там, собравшись за столом, о чем-то спорили дети со старческими голосами и старческими ужимками. Я поразилась, как это похоже на нашу семью. Хотя герои фильма были совсем не вампирами, а старыми волшебниками, которые украли молодость у легкомысленных школьников.

Тем временем отец обвел всех серьезным взглядом и внушительно произнес:

– Вот что, оставлять это просто так нельзя. Сегодня убит Герасим – завтра охотник может добраться и до нас. Мы с Лидией пообедем другие семейства и узнаем, не было ли в последнее время чего странного. Вдруг кто-то встречал охотника или, – отец кашлянул, смущенный присутствием Макса, – кто-то из родичей виноват в гибели человека. Охотники ни с того ни с сего не заводятся, на то должна быть причина.

Папенька прав. Вампиров в Москве около сотни. Кроме нашей, еще девять семей. Кто-то выдал себя, или нашелся свидетель того, как вампир пил человеческую кровь, или кто-то убил человека. Охотники просто так не появляются. Это всегда следствие поступков самого вампира. Так сказать, расплата за грехи. В лихие 90-е годы многие вампиры, под-

давшись царящему в стране беспределу, перебили уйму людей, даже не стремясь замаскировать жестокие убийства под бандитские разборки. Появление охотников не заставило себя ждать. Несколько вампиров погибли, беда чудом обошла нашу семью. Всем московским семьям пришлось сплотиться, чтобы разбить охотников, собравших целый отряд. Битва вампиров с охотниками попала в криминальные сводки как очередная бандитская разборка. Наши враги были уничтожены, но главы семей собрались на чрезвычайный совет и постановили: больше никаких убийств людей, во имя сохранения нашей тайны. Исключения – только охотники, угрожающие нашей жизни. С тех пор убийства людей под запретом, а семья, которая нарушит запрет, будет выслана из Москвы. За этим строго следит самая влиятельная из семей – князья Мещерские.

Между прочим, древность рода имеет не столь важное значение, как возраст самого старшего сородича. Наша семья – третья по старшинству благодаря стошестидесятилетней бабушке Софье. Самой уважаемой считается семья князей Мещерских: князю Николаю за двести лет, он еще правление Екатерины Второй застал. Самая молодая – семья графа Верховского. Когда-то Верховские были старейшим вампирским семейством в Петербурге, но в мясорубке Октябрьской революции этот многочисленный вампирский клан был истреблен практически подчистую. Чудом спаслись только молодой граф с женой и маленьким сыном Кириллом. Сей-

час род вампиров Верховских насчитывает всего пять человек, самый старший – девяностолетний Кирилл. Во время последней схватки с охотниками семья молодых вампиров пострадала больше всех и лишилась шестерых родственников, включая родителей Кирилла.

– Но и вы, дети, тоже помогите, – продолжил отец. – Мы должны сплотиться перед лицом опасности. Ты, Инна, разыщи журналиста, написавшего эту статью, пообещай ему эксклюзив, сочини роман с каким-нибудь олигархом покрупнее, чтобы он клюнул. А как придет, поспрашивай у него, что он в доме видел необычного, что от соседей слышал такого, что в статью не вошло. Узнай, не было ли еще подобных случаев. В общем, очаруй его своим шармом и потряхни, как осину.

Инна с готовностью кивнула.

– Теперь Вера и Виктор. – Отец обернулся к правнучке с мужем. – Сможете организовать в своем клубе вампирскую вечеринку? Придумайте что-нибудь такое, чтобы наш охотник клюнул на наживку. Вдруг он решит заглянуть на огонек и чем-нибудь себя выдаст? А вы держите ухо востро, да и мы все придем, приглядимся к публике.

– Это можно, – охотно кивнула Вера.

– Камилла, – обратился отец к актрисе, – что-то твое имя давненько в газетах не склоняли. Тускнеешь, звезда наша!

Камилла бросила на него обиженный взгляд.

– Ладно, ладно, не ершись! – остановил ее папочка. – Как раз есть повод засветиться. Звони в газету «Скандалы», тре-

буй Дятлова и рассказывай ему, как на тебя напал вампир.

– Я не буду так позориться! – позеленела Камилла.

– Будешь, – жестко припечатал глава семейства. – И распишешь в таких красках, что наш охотник к тебе галопом прискачет и потребует подробностей. Тут-то мы его и возьмем тепленьким. Никита, ты уж придумай для жены сценарий поинтереснее. Да проследи, чтобы выучила и играла по правдоподобнее, а не так, как всегда.

Камилла вспыхнула от оскорбления. Никита кивнул.

– Тамара и Рафаэль, чем бы вас занять?

Тамара, хозяйка галереи, молча ждала указаний деда. Рафаэль был модным художником. Ночи в его студии были расписаны по часам – портрет кисти модного художника желали получить многие представители богемной публики. То, что Рафаэль работал только по ночам, никого не смущало. Тусовщикам, привыкшим отсыпаться днем, а с наступлением темноты курсировать между клубами, это было только на руку.

– Поручаю вам сводки убийств за последние три месяца, – решил отец. – Возможно, Герасим был не первой жертвой. Изучите газеты хорошенько, о результатах сообщайте.

Супруги одновременно кивнули.

Я затаила дыхание, ожидая, что папочка поручит мне. Обойти столярные мастерские и узнать, не заказывал ли кто партию осиновых колов? Обзвонить по объявлениям тех, кто тоннами скупает серебро? Просмотреть в Интернете все сай-

ты охотников за вампирами? Это ж мне целую вечность за монитором гробиться придется.

– Максим и Лиза, – торжественно произнес отец, – вам я поручаю самое важное.

В том, что папа обратился к нам обоим, ничего странного нет. В семействе мы оба считаемся за младших – у обоих нет детей, оба любим подурачиться и к тому же дружим. Я зову Макса племянником, опуская уточнение прапраправнучатый. Он, со своей стороны, тактично не подчеркивает нашей разницы в возрасте, называя меня просто Лизой.

– Отправляйтесь на кладбище рядом с Кротово и расспросите тамошних готов, – объявил меж тем отец. – Может, что и узнаете.

Всего-то? Я повеселела и с улыбкой выразила готовность помочь:

– Конечно, папочка! Завтра же и отправимся.

А сегодня мне уже не терпится сбежать с этого нудного сборища на латиноамериканскую вечеринку.

– Зачем же тянуть до завтра? – строго возразил отец. – Отправляйтесь сегодня же. Ночь только начинается, еще успеете на сегодняшнюю встречу.

Латинос, пылко отплясывающий в моем воображении и манящий своей смуглой шеей, неожиданно остановился. Загар стремительно сползал с его кожи, которая наливалась восковым блеском. Возле глаз нарисовались черные круги, почернели от помады губы, ногти удлинились и сдела-

лись черными. Яркий наряд превратился в черный длинный плащ. Вздыхнув, он оперся на покосившееся надгробие, достал из-за спины гитару и завыл на луну... Похоже, вечеринка отменяется. Сегодня праздник на улице готов.

– И самое главное – все будьте бдительны и осторожны, – предупредил отец напоследок. – Возможно, Герасим выдал нас перед смертью и охотнику известны наши имена. Не дайте застать себя врасплох.

– Евгений, а ты не думаешь, что, если бы Герасим нас сдал, мы бы здесь теперь не сидели? – вскинулась Камилла. – Все-таки с той статьи уже больше месяца прошло. Она вышла в начале августа, а сейчас середина сентября. У охотника было сколько угодно времени, чтобы отстрелять нас серебряными пулями одного за другим.

– Мама, не говори так! – поежилась Инна.

– Пойдем, Лиза. – Макс тронул меня за плечо. – Не будем терять время.

Мы вышли в коридор, и Макс шагнул к лестнице, ведущей вверх. Я удержала его за локоть.

– Ты что, собираешься идти на тусовку готов так?

– Как – так? – не понял племяш.

– В таком виде?

– А что? – Макс с явным недоумением оглядел джинсы дизайнерского происхождения и жизнерадостную водолазку в желто-серую полоску.

– Да тебя в таком прикиде даже за ворота кладбища не

пустят! – раскритиковала я. – Черные джинсы и черная футболка найдутся?

– Только дома.

– Вот и отлично, заедем к тебе, переоденешься. Жди меня!

Я бегом припустила в свою комнату и принялась перетряхивать гардероб. Что ж, в том, что я живу с родителями, есть свои плюсы. Далеко и ходить не пришлось!

Удобно устроились предки: наш шикарный московский особняк девятнадцатого века удачно выкупили во время перестройки, сдали в аренду частному мужскому клубу и теперь живут, не зная забот. Вы хоть представляете, сколько может стоить аренда старинного особняка в центре Москвы? А самое забавное в этой истории, что родители даже переезжать никуда не стали – переместились под землю, в комфортабельный бункер, построенный по подобию убежища Сталина. На его сооружение, кстати, ушла половина прабабушкиных бриллиантов. Само собой, ни администрация клуба, ни его посетители знать не знают, что под полом здания живет семейство вампиров. Проектировщик нашего убежища в качестве благодарности получил от отца укус вечности и уже как лет десять живет в Лондоне – тамошний туманный климат пришелся ему весьма по душе. А строители, воплощавшие проект в жизнь, после завершения работ уже никому ничего поведать не могли. Родители позаботились о том, чтобы о нашем жилище не было известно ни одной живой

душе. Хорошо замаскированный вход в бункер находится в подвале жилого дома по соседству, а поскольку стены нашего укрытия мы покидаем глубокой ночью, то и разоблачение со стороны жильцов нам не грозит.

В бункере двадцать комнат, и у каждого из родственников есть своя собственная. Однако постоянно здесь живут только родители, а также бабушка, Инна и я – одиночки среди семейных пар. У всех остальных есть городские квартиры в обычных домах. Никита с Камиллой, в силу своей публичности, боятся, что журналисты разнюхают про бункер, поэтому ночуют в своих апартаментах на двадцатом этаже новомодной высотки. Рафаэль по ночам пропадает в своей полуподвальной студии, а Тамара ждет его в квартире по соседству и приглядывает, чтобы муж не увлекся какой-нибудь хорошенькой живой натурщицей. Хуже нет, чем вампиру влюбиться в человека: пока взвесишь все за и против, пока соберешься с духом, пока решишь признаться ему в своих чувствах – глядь, а возлюбленный уже на пенсии. Шучу, конечно. На самом деле влюбиться в человека – самая большая глупость, которую только может совершить столетний вампир. Вера и Виктор живут через дорогу от своего ночного клуба. Инна уступила двушку на Кутузовском проспекте Максиму и Маше после свадьбы, пока те делают ремонт в своей квартире в новостройке. А я не видела смысла в отдельной квартире. Да, поучения Лидии порой утомляют, зато семья рядом и я не чувствую себя одинокой. К тому же мне нрави-

лось жить в комфортных условиях под землей.

Нашла! Черную кружевную блузку в последний раз надевала лет пятьдесят назад – надо же, я думала, что давно ее выбросила. Какой только винтаж не сыщешь на полках моего безразмерного шкафа! К блузке прекрасно подойдет пышная черная юбка из свежей коллекции Стеллы Маккартни. Так, теперь черные чулки и высокие сапоги на устойчивом каблуке – чтобы было легче месить кладбищенскую глину.

Блондинка в черном, которую отразило зеркало, могла бы выиграть конкурс на лучший готический костюм... если бы не была блондинкой! Придется идти на поклон к Лидии.

На минуту я задержалась у шкатулки с драгоценностями, перетрясла кольца и браслеты, но так и не нашла ничего, подходящего под мой новый образ. В сочетании с черной одеждой хорошо бы смотрелся браслет работы Фаберже с крупными кроваво-винными рубинами, который родители подарили мне по случаю окончания гимназии, но позже я его потеряла, о чем до сих пор жалею. Браслет был одним из лучших творений знаменитого ювелира и был изготовлен в единственном экземпляре по дизайну Лидии. Время от времени я просматриваю новости о продаже драгоценностей Фаберже в надежде, что браслет всплывет где-нибудь на аукционе Кристис. Но пока без результатов. Ладно, чтобы произвести впечатление на готов, хватит и старинного кольца, с которым я не расстаюсь со дня превращения. При случае могу сочинить для романтически настроенных готов сказку,

что кольцо принадлежало моей прабабке и было подарено трагически погибшим возлюбленным. А теперь последний штрих.

Я выбежала в коридор, промчалась мимо скользящего Макса, глаза которого округлились при виде моего наряда, и поскреблась в дверь матери.

– Лидия, одолжишь тот черный парик, в котором ты изображала Белоснежку на прошлый Хэллоуин?

По семейной традиции, на Хэллоуин мы рядимся персонажами из сказок, пьем кровь с коньяком и читаем вслух Шарля Перро и братьев Гримм. Из Лидии в том году получилась прелестная Белоснежка, Инна была русалочкой, а я Золушкой – до ее превращения в принцессу. То есть в лохмотьях, с сажей на щеках и половой тряпкой на голове. Макс заявил тогда, что мой костюм – лучший из всех. Я вернула ему комплимент: племянник проявил фантазию, нарядившись в черный комбинезон, поверх которого фосфоресцирующей краской был нарисован скелет, и изображал Кошечку. Лидия при виде нас даже на миг потеряла самообладание: у нее так потешно вытянулось лицо, что румяна в форме яблочек на скулах стали похожи на огурцы.

На этот раз Лидия, смерив меня оценивающим взглядом с головы до ног, процедила с неизменной улыбкой, отрепетированной на сотнях балов ее юности:

– Краше в гроб кладут.

– Надеюсь, это комплимент? – мило улыбнулась в ответ я.

Лидия, на мое счастье, препираться не стала, а подошла к шкафу-купе и, безошибочно открыв один из ящичков, достала оттуда парик. А я, взглянув на аккуратно разложенное по полочкам белье, только вздохнула. Интересно, в кого я такая растеряша и разгильдяйка? У меня в гардеробной такой беспорядок, что на поиски нужной вещи порой уходит полночи. Зато Лидия всегда знает, где у нее что лежит, будь то маскарадный костюм с прошлого года или томик с автографом Ахматовой, который она в последний раз раскрывала полвека назад.

Я безропотно подставила голову, давая Лидии натянуть на меня парик и тщательно его расчесать.

– Ну вот, – одобрительно заключила она. – Совсем другое дело. Невеста Дракулы собственной персоной.

– Я тебя тоже люблю, мамочка! – Я клюнула ее в щеку и торопливо вымелась в коридор.

Макс при виде меня аж отшатнулся.

– Что, хороша? – Я весело клацнула собственными клыками и провела рукой по черным локонам. – Вот такая я добрая Белоснежка.

– Ты сейчас похожа на героиню «Семейки Адамс», – пробурчал племянник, глядя на меня исподлобья. Так отец смотрит на непутевую дочь, которая впервые собралась на школьную дискотеку: вдвое укоротила юбку и накрасилась самой яркой маминой помадой. Кажется, Макс забыл, что я, как-никак, его прапрапрабабушка!

– Вот и превосходно. Значит, за свою сойду! А теперь поехали к тебе за черной футболкой и черными джинсами. – Я потянула его к выходу.

– Подожди, а ты так не замерзнешь? – Он критично взглянул на тонкую кружевную блузку. – Вообще-то там прохладно.

– Не замерзну, – холодно усмехнулась я. Забота племянника меня развеселила. – Но хорошо, что напомнил.

Я сдернула плащ с вешалки в прихожей. С точки зрения тепла в нем нет никакой необходимости – я могу спокойно гулять по улице даже в январский мороз. Но чтобы не возбуждать подозрений у готов, лучше накину плащ.

– Только Маше ни слова! – напутствовала я его уже в машине, когда мы подъезжали. – Переоденешься – и быстро назад.

Когда Макс появился из подъезда пятнадцать минут спустя, я пожалела, что не могла проследить за его снаряжением. На его черной футболке, видневшейся из-под расстегнутой куртки, во всю грудь красовался жизнерадостный желтый смайлик. Ох, горе мне с ним!

– Что, другой футболки не нашел? – накинулась на него я, как только он сел за руль.

– Другая черная футболка у меня из Таиланда, – принялся оправдываться он. – На ней буддистский храм изображен. Вдруг для готов это как красная тряпка для быка?

– Ничего хуже такого смайла для них и быть не может! –

простонала я.

– О'кей. Я переоденусь в майку с Таиландом? – Макс был готов на все, лишь бы отсрочить нашу поездку на кладбище. И я его понимаю. Племянник хоть и не робкого десятка, а приятного в прогулке между надгробиями мало.

– Сиди уж, – остановила его я. Но не удержалась и ехидно уточнила: – Может, у нее еще надпись на спине: «Жизнь прекрасна»?

– Неа, – широко ухмыльнулся Макс. – Там написано: «Улыбайтесь, люди любят идиотов».

Я молча закатила глаза и, наклонившись к племяннику, резко дернула молнию на его ветровке, задраивая ее до самой шеи.

– И только попробуй ее расстегнуть! – пригрозила я. – Все дело завалишь!

– Ты говоришь не как Белоснежка, а как разбойница из «Снежной королевы», – вконец развеселился он.

– Макс! – рассердилась я. – Перестань лыбиться, как идиот! Иначе готы тебя покусуют. Их образ жизни – мировая скорбь и вселенская депрессия.

– Да ты что? – натурально удивился Макс. – Они это что, серьезно? Или прикалываются?

– Какие уж тут шутки! – Я строго дернула его за рукав, пресекая веселье. – Сам увидишь! Поэтому сотри с лица свои улыбки, забудь про свои шуточки и лучше откуси себе язык, чем дай смешку сорваться с твоих губ!

– Звучит жутко. – Макс принял напускной скорбный вид.

– Сойдет, – одобрила я. – А теперь поехали, а то нас уже заждались.

2

Кротовское кладбище отличалось своим древним происхождением. Большинству могил было больше ста лет: имена и даты жизни на покосившихся надгробиях наполовину стерлись, а дорожки, ведущие к ограде, поросли бурьяном. Уже не осталось на свете никого, кто помнил обитателей этих захоронений и приходил ухаживать за их могилами.

А ведь многие из тех, чьи кости давно сгнили в этой земле, были моими ровесниками и родились в то же время, что и я. Девушки носили изысканные платья от Надежды Ламановой и чулки под цвет туфель; собираясь на бал, записывали кавалеров для мазурки и вальса в специальную книжечку и прикалывали к прическе живые цветы; переписывали в альбомы стихотворения Блока и Волошина и мечтали прожить долгую и счастливую жизнь. Юноши сами писали стихи, мечтая превзойти популярность современных поэтов, влюблялись в грациозных балерин и жаждали военных подвигов. И никто из них не задумывался о том, что совсем скоро грянет революция, которую многие не переживут, а через сто лет на их заброшенных могилах будут появляться только собрания странных молодых людей – новых декадентов, именующих себя готами.

– Смотри-ка, Мурашкина Евлампия Ефимовна, твоя ровесница, Лизка, – не замечая моего мрачного настроения,

окликнул Макс, указывая на одну из неухоженных могил. Буквы на потемневшем надгробии были белыми, и в свете полной луны их было видно даже Максус с его не отличающимся остротой человеческим зрением. С надгробия смотрела выцветшая карточка изможденной старухи в платке. Наверняка она умерла после тяжелой затяжной болезни, чувствуя себя обузой своим детям и поторапливая смерть.

– Макс, – я досадливо поморщилась, – думай хоть иногда, что говоришь!

– Ой, прости. – Он смутился, осознав свою бестактность. Вот поэтому-то я всегда и обхожу стороной старые кладбища. Как-то раз, прогуливаясь по Ваганьковскому в поисках припозднившихся посетителей, я наткнулась на захоронение целого семейства князей Орловых, с дочерьми которых училась в гимназии. И так мучительно больно сделалось при мысли о том, что мои школьные подруги уже мертвы, а я по-прежнему хожу по земле, по новой моде ношу распущенные волосы и мини-юбки, читаю Машу Цареву вместо Марины Цветаевой, слушаю «Muse» вместо Шаляпина... Не знаю, сколько я там простояла. Только звонок мобильного телефона привел меня в чувство: Лидия волновалась, что скоро рассвет, а я до сих пор не вернулась домой. Вести машину я была не в состоянии – дрожали руки. Пришлось бросить «ауди» на стоянке и ловить частника. Водителя я подгоняла так, будто опаздывала в аэропорт, и сулила ему тройную оплату. Он даже растерялся, когда гонки по темным улицам

неожиданно закончились у входа в библиотеку. Сунув ему денег и дождавшись, пока он уедет, я обогнула библиотеку и припустила бегом по безлюдной улочке к заветному бункеру. Не могла же я привести водилу прямо к дверям нашего убежища! Солнце уже вставало, когда я влетела в подвал с потайной дверью. На мое несчастье, Лидия в то время как раз увлеклась ролью заботливой мамыши, и влетело мне за мое легкомыслие по полной программе.

Лидия! Я шагнула к ближайшей могиле, вспомнив наказ мамочки. Если забуду, она из меня всю душу вытрясет.

– Что ты делаешь? – с удивлением спросил Макс, глядя, как я разрыхляю землю у оградки носком сапожка и собираю ее в носовой платок.

– Лидия очень суеверна, – пояснила я, туго завязывая платок и убирая в карман плаща. – Она считает, что кладбищенская земля исцеляет вампирские недуги.

На самом деле Лидия верит в то, что земля с семи могил с разных кладбищ оберегает наш бункер от несчастий. Горшок с землей, сколько себя помню, стоял у нас под лестницей. После того как я его на днях опрокинула и разбила, Лидия впала в панику, посчитав это недобрым знаком. Кстати, на следующий вечер мы узнали о гибели Герасима, и Лидия не преминула заметить трагическим тоном, что плохая примета сбывается. А я еще раньше дала слово привезти ей новой земли. Надо выполнять обещание. Заодно есть повод пошутить над Максом.

– А у вампиров бывают болезни? – пораженно переспросил племянник, поймавшись на мою удочку.

– Разумеется, – серьезно подтвердила я. – Их много. Самые распространенные – отравления кровью с содержанием алкоголя или зараженной СПИДом, ожоги солнечными лучами и серебром, вывихи челюсти при неправильном захвате шеи. А самая страшная, – с упоением сочиняла я, – вампирский грипп! Передается через кровь человека, ранее покусанного больным вампиром. Человеку хоть бы хны, а зараженный вампир погибает в страшных мучениях в течение суток. Вампиры-ученые всего мира бьются над поиском лекарства, – безнадежно закончила я.

Где-то в стороне среди крошечной кладбищенской тьмы мелькнули огни и зазвучали оживленные голоса.

– Нам туда! – Я подтолкнула окаменевшего Макса к поросшей травой и усыпанной пожухлыми листьями тропке и, стараясь не смотреть на надгробия, двинулась вперед, отодвигая косматые ветви деревьев, заслонявшие путь.

Луч фонарика в руках Макса скользил по сторонам.

– Вот это фамилия – Живодеров! – бормотал Макс, делаясь со мной информацией. – Лизка, ты только представь себе ее происхождение. Ведь фамилии часто давали по прозвищу. Получается, основатель рода мучил бедных зверушек. А эта! Вот это да – неразборчиво!

– Что неразборчиво? – раздраженно бросила я. Можно подумать, Макс пришел не на кладбище, а в музей редких фа-

милый. – Буквы стерлись?

– Какие буквы! Это фамилия такая – Неразборчиво. Слушай, Лиз, – вдруг приглушенно прошептал Макс мне в спину, – а ты сегодня уже закусила? А то как подумаю, что я на заброшенном кладбище в полнолуние в компании голодного вампира...

– Макс! – Я обернулась и улыбнулась самой кровожадной из своих улыбок, обнажив клыки так, чтобы от них отразился призрачный лунный свет. Обычно подобная улыбка вводит человека в ступор, и этого для меня вполне достаточно, чтобы без проблем впиться ему в шею. – Еще одна подобная шуточка, и, честное вампирское, я забуду, что ты мой любимый младший племянник!

– Впечатляет! – поежился Макс. – Дашь мастер-класс вампирских улыбок после моего превращения?

– До превращения еще дожить надо. – Я многозначительно клацнула зубами.

– Предупреждаю, – не смутился племянник, – на всякий случай я натер шею чесноком!

Я громко хмыкнула.

– Что? – вскинулся Макс.

– Не забудь принять душ, когда вернешься домой, – посоветовала я. – А то Маша с ее токсикозом твою ароматную шею не оценит.

– Знала бы она, где меня сейчас носит, – трагически пробормотал Макс, отламывая с развесистого дерева, закрывше-

го старую могилу, ветку и обмахиваясь ею. – Ну и зверские же здесь комары! Лизка, тебя что, совсем не жрут?

– Милый Макс, у меня нет ничего из того, что могло бы их заинтересовать, – нежно улыбнулась я. – Я имею в виду теплую, живую, сладкую...

– Все-все, – хмуро перебил меня племянник, – я тебя понял. Свои на своих не нападают. А мне придется отдуваться за двоих. Вот же злыдня, хоть бы предупредила, я бы тогда спрей какой-нибудь взял!

– Ты так говоришь, как будто я каждую ночь по кладбищам гуляю! – приглушенно прошипела я, замедляя шаг.

Голоса молодых людей звучали все отчетливей, свет от их фонарей пробивался сквозь частую листву, выхватывая из темноты отдельные фрагменты надгробий: то имена и даты жизни, то посвящения родных, то православный крест, то выцветшие взгляды и потускневшие лица тех, кого уже давно нет на белом свете.

– Слышь, Лиз, – зашептал Макс, – а у тебя есть могила?

Я резко развернулась, чуть не сбив его с ног.

– Я имею в виду для конспирации, – стушевался племянник. – В фильмах, я видел, вампиры так делают. После превращения инсценируют собственную смерть, хоронят пустой гроб, ставят памятник – ну, чтоб никто не подкопался!

– Макс, если тебя сейчас волнует, будем ли мы устраивать вам с Марией пышные похороны после превращения, то обломись. Раньше, может, и организовали бы и место на Ва-

ганьковском, и похороны с кремлевским оркестром, и банкет в «Дягилеве». А сейчас кризис. Накладно!

– Лиз, – нахохлился Макс, – ну что ты в самом деле! Я ж тебя нормально спрашиваю. Можешь нормально ответить?

– Могу, – кивнула я. – Кончай смотреть дурацкие фильмы и тогда не будешь страдать дурацкими вопросами.

– Значит, не будете нам с Машей памятники заказывать? – повеселел Макс, звучно прихлопнув комара на шею.

– Нет, только поминки в заводской столовой эконом-класса, – рассеянно пробормотала я, с трудом отводя взгляд от красного пятнышка на его шее – капельки крови, которую успел высосать погибший комар. – А теперь соберись – и за дело!

Я двинулась вперед, уже не скрывая наше присутствие от готов.

Местом для сборища тусовщики выбрали богато украшенный склеп в центре кладбища. Надо же, не ожидала здесь такой увидеть! Наверняка со склепом связана какая-нибудь душеспипательная трагическая история: юную невесту в день свадьбы затоптало лошадьми или обедневший молодой граф, не добившись взаимности от вероломной красавицы, пустил себе пулю в лоб. Хотя какой же он обедневший, если после смерти ему такой мини-дворец отгрохали? На мгновение я даже забыла, зачем мы сюда пришли, залюбовавшись строением из потемневшего камня – имитация остроконечных башен по бокам, у входа в склеп застыли изваяниями

две химеры. Ничего себе, да фасад склепа – миниатюрная копия парижского Нотр-Дама! Неудивительно, что могила стала местом паломничества готов.

Но почти сразу в глаза ударил яркий свет фонаря, направленного в лицо. Я отшатнулась, прикрыв глаза руками, и чуть не упала на Макса.

– Приветствуем вас, братья и сестры! – замогильным голосом провыл Макс, удержав меня за плечи. И, убедившись, что я крепко стою на ногах, сделал широкий взмах рукой, словно снимая шляпу в знак уважения к собравшимся.

– Дурак! – прошипела я, выступая вперед, и поспешила исправить промах племянника: – Злой вам ночи, дети тьмы! Разрешите примкнуть к вашему печальному обществу!

Два десятка пар глаз, густо обведенных черной подводкой, в недоумении уставились на нас. Черт, не стоило надеяться на экспромт, надо было посмотреть в Интернете правила общения с готами, прежде чем соваться на кладбище! А все папочка виноват – не дал даже ночи на подготовку.

Готы таращились на нас, как на инопланетян, а мы таращились на готов. Ну где еще такое увидишь? Только на кладбище в полнолуние рядом со склепом в готическом стиле. Восемь парней, загримированных под Дракулу, и двенадцать девушек, одетых, как дьяволицы на шабаше. Выбеленные пудрой лица, которые кажутся лишенными волос черепами: выкрашенные в черный цвет волосы сливаются с темнотой. Обведенные черной помадой рты – словно у упырей, наев-

шихся кладбищенской земли. Расширенные черные зрачки – то ли от удивления, то ли от темноты, то ли от вина, запахом которого пропитан тяжелый кладбищенский воздух. Траурные одежды – словно безутешные родственники и друзья собрались на похороны. Интересно, кто же все-таки покоится в этом загадочном склепе?

В следующий миг я уже глубоко пожалела о своем любопытстве. Дверь склепа зловеще заскрежетала, выпуская полосу потустороннего зеленоватого света, и я обмерла, вспоминая все фильмы ужасов про зомби и восставших мертвецов. Думаете, если я вампир, то мне нечего бояться? Как бы не так, мне мое существование тоже дорого. Зомби, возможно, и тупые существа, но если скопом навалятся, то даже от вампира кости на кости не оставят. А вампиру, обитающему в склепе, может крайне не понравиться появление другого вампира. Это ж злостный конкурент, покушающийся на самое ценное, что есть у вампира, – кров и питание. В прошлом были нередки случаи, когда вампиры пролетарского происхождения, укрывшись красным знаменем, пробирались в склеп, где мирно дневал вампир из княжеского рода, и недрогнувшей рукой вгоняли осиноый кол или серебряную вилку ему в сердце. Дальше оставалось только избавиться от трупа, взрезать в дверь замок – чтобы другим nepовадно было, и отметить новоселье в комфортабельном склепе. Со временем самозванцы даже забывали свои собственные имена и начинали представляться потомками аристократических

семей, в качестве бесспорного аргумента приводя фамильный склеп, в котором они живут уже не один десяток лет. И поныне шикарный склеп где-нибудь на тихом заброшенном кладбище среди старомодных вампиров ценится так же, как особняк на Рублевке среди новых русских.

А что, если отец был неправ в своих предположениях? Что, если Герасима убили не готы? Глядя на этих юных мальчиков и девочек, было сложно представить кого-то из них в роли Ван Хельсинга или Баффи, безжалостно расправившихся с Герасимом. Что, если Герасим погиб от руки вампира, на территорию которого посягнул? Наверняка бывшему кучеру приглянулись и роскошный склеп, и прикормленная тусовка, которая по первому требованию подставляет свои вены под клыки вампира. Да только владелец склепа оказался Герасиму не по зубам и сам убрал с дороги наглого соплеменника. А записка «Покойся с миром, вампир» – просто для отвода глаз, на случай, если у убитого найдутся родственники, жаждущие отмщения. Проще всего пустить их по ложному следу – пусть роют землю клыками, ищут охотника на вампиров.

Макс героически заслонил меня собой и сжал кулаки, готовый защищаться. Милый наивный Макс. Уж если нам и придется вступить в схватку с неведомым существом, то у племянника нет никаких шансов выйти из нее живым. Если кто и сможет дать отпор монстру, то только я. Как минимум задержу противника, пока Макс не скроется за кладбищен-

ской оградой. Но разве этого дурака заставишь бежать, оставив меня без помощи? Ох, и идиотская же была затея брать на кладбище Макса!

Тем временем дверь склепа отворилась, и между двумя каменными химерами возник высокий темный силуэт с фонарем, отсвечивающим зеленым, в руке. Я быстро оценила соперника. Мужчина. Высокий. Физически развитый. На вид лет двадцати двух. Во всяком случае, на момент заключения в склеп. Втянула воздух ноздрями – трупный запах отсутствует. Значит, не зомби. Вампир. Можно попробовать договориться. Если только он сразу не бросится в бой.

Вампир приподнял фонарь, рассматривая нас. И тут луна, выползшая из-за облака, высветила готические вензеля на фасаде склепа, а под ними – полное имя покойника. Жан-Мари Треви. Француз.

Оттолкнув Макса в сторону, я шагнула к вампиру и торопливо заговорила по-французски, спеша донести до незнакомца, что мы не претендуем на его склеп и пришли с миром. В кои-то веки пригодились знания, которыми меня пичкали французские гувернеры!

Глаза француза сузились, на восковом в свете луны лице отразилось недоверие.

– Мы сейчас же уйдем, – торопливо добавила я на его родном языке, – уйдем и больше никогда вас не побеспокоим.

– Во шиза! – глядя, как я распинаюсь, просвистел кто-то из готов.

За спиной француза мелькнула тень, и из склепа показалась девушка в длинном черном платье с тугим корсетом и пышной юбкой. Ее волосы были на старинный манер убраны наверх. Я осеклась, не завершив фразу. Не Жан-Мари, а Жанна-Мари! Вот кто истинная владелица шикарного склепа. И вон как она напряглась, посмотрев на меня. Того и гляди глаза выцарапает! Я уже приготовилась повторить французенке все то, что только что говорила мужчине, как она шагнула ко мне и прошипела на чистейшем русском, обдав запахом плохого вина:

– Слышь, ты, дешевка, не раскатывай губы на моего парня!

От изумления я чуть клык не проглотила.

– Спокойно, Лилит! – удержал подругу «Жан-Мари». – Ты же знаешь, я люблю только тебя! – И, видя, что девушка по-прежнему полыхает от ревности, добавил: – До смерти.

Эта фраза возымела чудесное действие: незнакомка расслабилась, прильнула к своему другу, ласться, как кошка, и игриво промурлыкала:

– И после смерти тоже.

Я фыркнула, прочитав мысли парня. Теперь стало ясно, что никакой он не вампир, как и его подружка. Девчонка так достала его своей ревностью, что он страшно перепугался, представив, что и после смерти она его в покое не оставит.

– Что смешного? – тут же ощетибилась ревнивая брюнетка. – Откуда вы вообще взялись?!

Я не успела ответить, как Макс с силой стиснул меня за локоть и заговорил:

– Моя кухня приехала из Франции. В Париже она состоит в местном клубе готов. И, приехав в Москву, она мечтала познакомиться с единомышленниками.

Я обалдело уставилась на Макса. Что он вообще такое несет? Он едва заметно мне подмигнул, мол, подыграй!

– Oui, oui. – Я ошеломленно покивала и в знак подтверждения своей приверженности готическому мировоззрению уже по-русски процитировала Гофмана: – «Жизнь – безумный кошмар, который преследует нас до тех пор, пока не бросит наконец в объятия смерти».

– Какие мудрые слова, – восторженно зашептали готы.

– В знак уважения она привезла вам горсть земли с могилы Оскара Уайльда на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, – продолжил распинаться Макс и выжидающе вытаращился на меня. Я ответила ему недоуменным взглядом.

«Земля в твоей сумочке, балда!» – прочитала я в мыслях Макса. Стараясь не расхохотаться, я с самым торжественным видом вытасила платок и вручила его «Жану-Мари». Свертком тут же завладела его подружка. Тонкие пальцы с черными ногтями принялись быстро развязывать узелок.

Остальные готы с почтением приблизились к склепу, вытягивая шеи и стремясь приобщиться к французскому сувениру.

Надо отдать должное выдумке Макса – мое иностранное

гражданство и знаковый презент мгновенно расположили к нам собравшихся. Платочек с землей двинулся по кругу, юноши и девушки с почтением погружали в него пальцы, стремясь удержать под ногтями хоть комочек, так что, обходя все руки, горстка земли значительно уменьшилась.

Затем собравшиеся потянулись ко мне, называя свои имена.

Двое из склепа представились Цепешем¹ и Лилит², и мне сделалось не по себе.

Милая застенчивая девушка, через грим которой проступали веснушки, назвалась именем кровожадной богини Кали. Видела ли она хотя бы однажды изображение этой богини? Попирающей труп и держащей отсеченную голову демона? С поясом из человеческих рук и гирляндой из пятидесяти черепов? Сомневаюсь...

Нервно кусающая губы худая высокая готесса с неопрятным маникюром представилась Друзиллой – полоумной вампиршей из сериала про Баффи.

Девушка с точеной фигурой, затянутой в черный латексный комбинезон, и с косой челкой, падающей на заплаканные глаза, назвалась именем печально известной венгерской графини Батори, замучившей до смерти тысячи молодых крестьянок в подвалах своего замка. Вот только графиня

¹ Цепеш – прозвище Влада Дракулы, в переводе – «сажающий на кол».

² Лилит – первая жена Адама в еврейской мифологии. Согласно преданию, расставшись с Адамом, Лилит стала злым демоном, убивающим младенцев.

убивала ради того, чтобы сохранить молодость и продлить жизнь, а весь вид ее тезки-готессы говорит о том, что она призывает смерть: и скорбно поджатые губы, которые кажутся еще тоньше из-за черной помады, и трагически сведенные брови, и озлобленный взгляд, какой бывает только у людей, страшно разочаровавшихся в жизни, и безысходность во всем облике. Поставить бы ее под душ, смыть траурный макияж, отобрать томик мрачных стихов Эдгара По, который она сейчас сжимает под мышкой, и запереть в комнате с круглосуточной трансляцией комедий – через неделю вышла бы оттуда другим человеком.

А парни? Молчаливый и нескладный Калиостро. Общего у него с легендарным графом из «Формулы любви» – только болезненная худоба да крючковатый нос. Ни стати, ни величия, ни обаяния киношного героя у гота и в помине нет.

Похожий на тень Ворон с нелепо раскрашенным лицом и запавшими от бессонных ночей глазами, горящими, как угли. Он казался взрослее остальных, на вид ему было лет двадцать пять; даже странно, что его может объединять с детьми, которым в среднем по пятнадцать – семнадцать лет. От парня исходила осязаемая угроза. Наверняка прохожие, увидев его «при параде», шарахаются в стороны, а встречные бабульки истово крестятся.

А вот от застенчивого и худощавого, чуть повыше меня ростом паренька никакого подвоха не ждешь. Невзрачное лицо, впалые скулы, скудная поросль на подбородке, вклю-

коченные волосы – его одинаково можно принять и за безумного геймера, и за прилежного студента, проводящего вечера с учебниками.

– Вийон, – коротко представился он, скользнув по мне равнодушным взглядом. А вот я, наоборот, взглянула на неприметного паренька с интересом. Вот уж не ожидала встретить здесь поклонника средневекового французского поэта. Да к тому же страстно воспевавшего жизнь!

Франсуа Вийон охотно и подробно описывал смерть, но лишь затем, чтобы призвать наслаждаться жизнью здесь и сейчас. Ведь в его понимании любая жизнь куда лучше смерти. В своей знаменитой «Балладе о повешенных», описывая превращение живой плоти в бездушный прах, Вийон отнюдь не смакует смерть, а ужасается ею. Вийон знает, о чем пишет, – сам на эшафоте однажды стоял и уцелел в последний миг, после чего всегда страшился смерти и стремился взять от жизни все. Ходят легенды, что вампиры предлагали Вийону примкнуть к ним, но поэт слишком дорожил земными радостями, чтобы променять их на вечную жажду. Интересно, паренек-гот хоть понял смысл этого стихотворения? Или просто воодушевился описаниями: «Вот мы висим на рели шшестером, плоть отпадает от костей кусками» и «Сечет нас ночью дождь по черепам», так что решил взять себе имя поэта?

Но расспросить парня не было возможности. Он уже отвернулся от меня. И его равнодушие не было маской. Я виде-

ла, что мое появление произвело оживление среди мужской половины готов. Даже Ворон и тот поклевывал меня взглядом, а уж какие мысли витали в головах Цепеша и Калиостро – даже не спрашивайте, стесняюсь передать. Признаюсь только, что желание прогуляться со мной до дальней могилки было самым невинным из того, что мне открылось. Однако на Вийона я не произвела ни малейшего впечатления, всем его вниманием владела Батори. Не надо было даже его мысли читать, чтобы понять, что тот беззаветно и, увы, совершенно безответно влюблен в холодную и нелюдимую красотку со злыми глазами.

А вот парочка, которая предстала моему взору последней, напротив, от неразделенных чувств не страдала. Невзрачный паренек с собранными в хвост волосами и неумело замазанными прыщами на лбу, взявший себе имя безжалостного Лестата из «Интервью с вампиром», нежно обнимал свою подружку.

– Клаудия, – тонким голоском пропищала та, старательно копируя образ девочки-вампира из того же фильма. Детское личико и золотистые кудряшки довершали облик.

Какие же они все еще дети!

– Расскажите моей кузине об этом склепе, – попросил Макс, когда все были представлены. – Ее страшно заинтересовала его история.

Готы польщенно зашелестели. Цепеш с гордостью начал рассказ:

– Здесь похоронена семейная пара – Жан и Мария Треви. Жан был французом и попал в Россию с войсками Наполеона в тысяча восемьсот двенадцатом году. Во Францию он не вернулся – остался служить гувернером у местного помещика. Там же он познакомился с Марией – одной из горничных. Молодые люди полюбили друг друга и поженились. Вскоре после свадьбы Жан получил известие о богатом наследстве, которое оставил ему бездетный дядюшка. Жан уехал во Францию, продал особняк, забрал причитающиеся ему деньги и вернулся сюда. Помещик, у которого он служил, к тому времени порядком разорился и согласился продать Жану часть земли под строительство дома. По задумке Жана, дом должен был быть огромным и красивым, как дворец. Первый этаж был выложен наполовину, когда Мария умерла при родах. Ребенка тоже не спасли. Жан был вне себя от горя, строительство приостановилось, а Жаном овладела новая идея – соорудить для любимой жены великолепный склеп. Что из этого получилось, вы можете видеть сами. В тот самый день, когда склеп был закончен, Жан вернулся в свою комнату, лег на постель и умер.

– Просто не видел смысла, зачем ему жить дальше, – расстроганно пояснила Лилит.

– Со временем фундамент особняка разрушился, а вокруг склепа стали возникать новые захоронения, и появилось целое кладбище, – торжественно закончил Цепеш.

– А сундуки с золотом, то самое богатое наследство Жана,

так и не нашли, – сверкая глазами, добавила Лилит. – Никто так и не знает, куда Жан спрятал свои сокровища.

– Хорош трепаться, – с недовольным видом оборвал ее Цепеш. – Это все байки для дурачков.

Я спрятала улыбку, прочитав в мыслях парня, что он мечтает отыскать пропавшие сокровища. Даже деньги на металлоискатель откладывает уже который месяц.

– А о склепе теперь ходит поверье, – вмешалась Кали, – что если влюбленные войдут туда в полночь и скрепят свой союз поцелуем, то они будут вместе до самой смерти.

– И после! – пылко добавила Лилит, собственническим жестом обнимая помрачневшего Цепеша.

Так вот чем парочка занималась в склепе!

– Так у вас сегодня готическая свадьба? – заинтригованно уточнил Макс.

– Нет, у нас сегодня день поминовения. Сорок дней со дня трагической гибели мастера, и мы собрались здесь, чтобы почтить его бессмертную душу, – с пафосом провозгласил Цепеш.

Мы с Максом красноречиво переглянулись, и я спросила:

– А кто это – мастер?

Цепеш обвел взглядом своих товарищей:

– Ну что, посвятим гостей в нашу тайну?

Готы не возражали, и Цепеш торжественно изрек:

– Мастер был одним из бессмертных и принадлежал к касте высших вампиров.

Я закашлялась. Слышала бы мама, что бывшего кучера причислили к высшим вампирам, кровью бы поперхнулась. В нашей иерархии он топтался где-то в самом низу.

Макс, наклонившись, постучал меня по спине и одними губами прошептал:

– Что, завидно?

Вместо ответа я щелкнула зубами.

– Моя кузина потрясена, – перевел Макс собравшимся. – Разве вампиры существуют?

Готы в возмущении загалдели. Сама мысль о том, что вампиры – миф, привела их в полнейшее негодование. Батори подскочила к нам, выставила шею, на которой алели две точки от зубов, и дрожащим от гнева голосом воскликнула:

– А что вы на это скажете?

«Скажу, что для укуса месячной давности ранки выглядят чересчур свежо», – профессионально определила я.

– Ее укусил сам мастер! – с завистью в голосе сообщила Кали. – Не все из нас успели удостоиться подобной чести.

Судя по нескрываемой зависти, до самой девушки очередь не дошла.

Батори нервно почесала едва затянувшуюся ранку, расковыряв ее до крови, и я шумно сглотнула, отведя глаза от соблазнительного зрелища. Вот почему ранка выглядит свежей! Значит, другого вампира здесь все-таки нет.

Я изобразила живейшую заинтересованность:

– Расскажите мне о нем. Каким он был и почему погиб,

если он бессмертен?

– Мастер был прекрасен, – с придыханием проговорила Батори, и взгляд ее затуманился.

– Он был высоким, – подхватила Кали.

– Сильным! – добавила Клаудия.

– И вечно молодым! – вставила свое слово Друзилла.

Я с недоумением сглотнула слюну. Даже жажда на время отступила. Они что, серьезно? Это все о низком, некажистом, горбоносом, на момент превращения разменявшем пятый десяток Герасиме, которого я знаю?

– А на кого из знаменитостей был похож мастер? – выдавила я. – Я хочу представить себе его типаж.

Девчонки наперебой загалдели.

– Он был вылитый Том Круз в «Интервью с вампиром»! – в экстазе закатила очи Лилит.

– Орландо Блум! – с придыханием пискнула Клаудия.

– Джонни Депп в фильме «Эдвард – руки-ножницы», – выдала свое видение Друзилла.

– Вылитый солист «Лакримозы»! – пылко присовокупила Кали.

– Хит Леджер в «Темном рыцаре»! – трагически всхлипнула Батори.

Опасаясь, как бы девчонки не подрались из-за того, чье сравнение мастера ближе к оригиналу, я обратилась к молчащим парням:

– А вы что скажете?

– Мастер был настоящим Принцем тьмы, – веско произнес Цепеш.

– Он был необыкновенно благороден и мудр, – высказал свое мнение Лестат.

– Как и всякое существо, прожившее на свете семьсот лет, – с почитательностью добавил Ворон хриплым, трескучим голосом, который целиком оправдывал его прозвище.

Сколько?!

Макс, удивленный не меньше меня, не удержался от возгласа:

– Так много?!

– Да, – с гордостью подтвердил Цепеш. – Мастер был соратником самого Влада Дракулы.

– Он вам сам об этом рассказывал? – уточнил Макс, под-
разумевая немоту Герасима.

Цепеш не растерялся:

– Мастер был очень молчалив, но со временем нам удалось узнать подробности его жизни.

Молчалив – это мягко сказано. Герасим был нем, как его тезка из рассказа «Муму», за все время я от него не слышала ничего, кроме мычания.

Однако готы ни словом не обмолвились о физическом недостатке своего мастера, и нам пришлось принять их версию биографии Герасима. У меня не было сомнений в том, что винить Герасима в чудовищной лжи не стоит: с его уровнем интеллекта он был просто не в состоянии сочинить та-

кую складную историю. Очевидно, про возраст и знакомство с Дракулой ребята выдумали сами, по-своему расценив мычание Герасима.

По словам Цепеша, Герасим впервые появился на кладбище полгода назад. А дальше мне уже не составило труда восстановить картину. Не знаю, какая нужда загнала сюда вампира, но только, заметив отбившуюся от стайки приятелей Батори, остановившуюся у заброшенной могилы, Герасим решил перекусить. Представляю себе удивление бывшего кучера, когда добыча не только не оказала сопротивления, но и добровольно подставила шею, а потом склонила перед мастером колени и умоляла познакомиться с ее друзьями. Так Герасим был возведен в ранг мастера, провозглашен Принцем тьмы и стал частым посетителем сборищ готов.

– Мастер обещал сделать нас подобными себе. Но не успел, – с грустью поведала Кали.

– Что с ним случилось? – быстро спросил Макс.

– Он исчез и не появлялся несколько дней, но мы не придали этому значения, – откликнулся Цепеш. – Он нередко пропадал и раньше. Но когда мастер не пришел на день рождения Батори, чтобы выразить ей свои соболезнования, мы поняли, что что-то произошло...

Батори, закрыв лицо руками, уткнулась в колени. Ее плечи беззвучно затряслись, и Кали с Клаудией бросились утешать подругу. Вийон тоже засуетился и протянул Батори бутылку минералки, но убитая горем девушка зло оттолкнула

его руку. На парня стало больно смотреть, и я отвела взгляд.

– И вы пошли к нему домой? – настойчиво спросил Макс.

– Домой? – Цепеш покачал головой. – Мы не знали, где находится его склеп. Но решили поспрашивать по окрестностям. И вот в ближайшем поселке нас настигла трагическая весть: мастер коварно убит.

– Кто это сделал? – Макс так и подался вперед.

– Силы тьмы, если бы мы только знали! – в отчаянии воскликнул Цепеш.

– Я бы вонзила осиновый кол в его проклятое сердце так же, как он пронзил бессмертное сердце мастера! – истерично выкрикнула Батори, размазывая по лицу черную подводку.

Жажда становилась невыносимой. Меня уже мутило от аромата живой крови, витавшего в воздухе, а две ранки на шее Батори магнитом притягивали мой взгляд. Я встала на ноги и кивнула Максусу:

– Идем.

– Но мы еще не расспросили их до конца! – запротестовал он.

– Идем, – с нажимом повторила я и еле слышно добавила: – Или я сейчас не сдержусь и вцеплюсь кому-нибудь в глотку, и меня возведут в Принцессы тьмы. Ты этого хочешь?

– Понял. – Макс быстро поднялся с места.

Готы, столпившиеся вокруг рыдающей Батори, не обратили на нас внимания. Когда мы уже ступили на тропинку

между могил, нас окликнул удивленный голос Цепеша:

– Эй, вы уже уходите?

– Да, нам пора, – бросил Макс. – Спасибо за компанию.

– Давайте я вас провожу, – приветливо предложил гот, – а то тут заблудиться можно.

– Не надо, – простонала я сквозь зубы, вцепившись Максу в локоть.

– Что? – не расслышал подошедший Цепеш.

– Мы сами, – остановил его Макс.

– Да ладно вам, тут такие дебри. Не хотелось бы, чтобы наша французская гостья сломала каблук.

И, пройдя мимо и обдав меня ароматом горячей крови, Цепеш пошел впереди, уверенно ориентируясь в темноте, ведя нас протоптанной тропкой и интересуясь, не собираемся ли мы навестить их еще. Сдерживаться больше не было сил. Убедившись, что голоса готов стихли далеко позади, я толкнула Макса к оградке ближайшей могилы, прошипев ему:

– Отвернись!

– Что? – Он споткнулся о кочку.

– Умоляю, без вопросов. Просто не смотри.

– Вы чего там? – обернулся к нам Цепеш.

Разделяющие нас пять шагов я одолела одним махом.

– Я знал, что тьма не оставит нас, – в восторге прошептал парень, глядя на мой алчно приоткрывшийся рот.

Глупо сдерживать голод, когда добыча сама не прочь подставить тебе шею. Я воспользовалась щедрым предложением

Цепеша и припала к его яремной вене.

После того как я усадила ослабевшего парня на землю и велела Максусу следовать за мной, тот не проронил ни слова. Только шумно дышал за моей спиной и держался на расстоянии, словно боясь ненароком меня коснуться. Я первая нарушила затянувшуюся тишину.

– Итак, мы узнали все, что нужно, – бодро начала я. – Детишки здесь ни при чем. Они обожали Герасима, видели в нем высшее существо и мечтали стать такими, как он. Надеюсь, Герасим не собирался в самом деле превращать их, – озабоченно добавила я. – Иначе у него возникли бы серьезные проблемы с нашей семьей.

Во всем мире вампиры живут кланами, и семьи пополняются в основном за счет родственников и их супругов. Так называемые приемные дети очень редки. Клан – основа нашей безопасности, то, на чем все держится. По сути, в обряде превращения нет ничего сложного и провести его может любой вампир. Но если вампиру придет в голову превращать всех подряд, это прямая угроза тайне нашего существования. Однажды в Праге один неумный вампир-одиночка захотел создать свой собственный клан за счет случайных знакомых, и все это привело к тому, что новички вышли из-под контроля, а по городу прокатилась волна убийств, всполошившая все население. Пришлось вмешаться местным семьям и перебить новичков поодиночке. Такая судьба могла ожидать и юных готов, если бы Герасим поделился с ними

кусом вечности.

– С ним все будет в порядке? – натянуто спросил Макс, имея в виду Цепеша.

Я досадливо поморщилась:

– С этим мальчишкой, возомнившим себя Дракулой? Да что с ним станется? Может, дурная кровь из него вышла и он теперь поумнеет. Ты хоть понимаешь, чем он со своей подружкой занимался в склепе? Вот же извращенцы! Хуже этого только человеку влюбиться в вампира – это уже некрофилия в чистом виде.

– А если вампир влюбится в человека? – неожиданно спросил Макс.

– Опять книжек начитался? – прошипела я. – Перестань читать всякую чепуху!

– А что? – Макс пристально посмотрел на меня. – Скажешь, никогда не влюблялась в обычного мужчину?

– Хорошего же ты обо мне мнения, – пристыдила я. – Со всем меня за идиотку держишь? Надо быть полной дурой, чтобы влюбиться в человека.

– А что такого? – не понял Макс. – С Манюней же ты дружишь, а она тоже человек.

– Дружба – это другое, – возразила я. – В дружбе физический контакт сведен к минимуму. Поцелуй в щечку при встрече и короткие дружеские объятия я уж как-нибудь переживу без особых мучений. А вот как прикажешь сдерживать свой голод во время поцелуев или еще чего больше? Это

все равно что облизывать витрину кафетерия, не имея возможности съесть пирожное.

Макс притих.

– И все равно, каждый раз отправляясь на встречу с Манюней, я хорошенько подкрепляюсь, – добавила я. – Чтобы во время болтовни с ней меня не терзал соблазн вцепиться ей в глотку.

– Тебя привлекает кровь Манюни?! – Макс уставился на меня с таким невыразимым ужасом, как будто я призналась в том, что пью кровь младенцев на полночный полдник.

– Уж извини, – спокойно ответила я, – такая у меня природа.

– Не дай бог когда-нибудь так оголодать, чтобы захотеть крови Манюни, – содрогнулся Макс.

Вспомнив о наказе Лидии, я притормозила у заброшенной могилы.

– Макс, у тебя платок есть?

Племянник, покопавшись в карманах, вытащил пачку «Парламента», вытряхнул из нее остатки сигарет и протянул мне:

– Сюда набери.

Стоило мне присесть на корточки, как в воздухе запахло табачным дымом.

– Ох, Макс, – я покачала головой, собирая землю, – бросай ты это дело. После превращения все равно об этой гадости придется забыть.

Макс невозмутимо стряхнул пепел на землю, но я заметила, как дрожат его пальцы.

– Думаю, после всего, что сегодня произошло, я имею право на сигарету, – глухо произнес он.

Черт, не стоило при нем утолять жажду! Раньше Макс никогда не видел, как я пью кровь. Одно дело – знать о том, что твои милые дядюшки и тетушки хлещут человеческую кровь, и другое – увидеть, как они это делают. Помню, когда я, еще до своего превращения, случайно застала Лидию со-сущей кровь из взрезанного запястья горничной, я на мать неделю без содрогания смотреть не могла. Надеюсь, Макс менее впечатлителен. В том, что Цепеш и не вспомнит о том, что с ним произошло, я была твердо уверена, а вот сможет ли забыть увиденное Макс – большой вопрос.

Наполнив пачку, я выпрямилась и взглянула ему в глаза.

– Послушай, Макс, мне жаль, что ты это видел. Но парень сам виноват. Нечего ему было за нами увязываться.

– Скажи мне, Лиза... – Макс сделал глубокую затяжку и щелчком отбросил сигарету под ноги. – Если бы сейчас ты могла вернуться на много лет назад и вновь стать человеком, согласилась бы ты на укусы вечности?

Луна за спиной Макса освещала потемневшее надгробие. Свет падал так, что была видна только часть даты на памятнике. Год моего рождения.

– Понимаешь, Макс, – натянуто сказала я, – если бы я не согласилась тогда на это, сейчас бы я не стояла перед тобой,

а лежала бы в земле. Возможно, под одной из этих плит. Подумай об этом, прежде чем осуждать меня. И всех нас.

Я развернулась и зашагала к выходу. Макс быстро нагнал меня, и его рука мягко сжала мое плечо.

– Лиз, я не осуждаю тебя, – сдавленно пробормотал он. – Я просто пытаюсь понять для себя, стоит ли оно того. Ведь пока у меня еще есть выбор.

– У тебя есть не выбор, у тебя есть шанс, – поправила я. – И этот шанс дается лишь одному человеку из тысячи. Сгнить в земле через пятьдесят лет или прожить на свете двести, а при благоприятном стечении обстоятельств и все пятьсот лет. И все эти годы быть молодым и полным сил, а не превращаться день за днем в ходячую развалину.

– Но это моя жизнь, Лиза, – упрямо возразил Макс. – И я хочу распорядиться ею сам.

– Ты можешь распорядиться своей жизнью, Макс, – сухо сказала я. – А можешь ее просвистеть. Вот и весь выбор. Другого не дано.

До самой машины мы молчали, а когда сели в салон, племянник тихо спросил:

– Лиз, а как это произошло с тобой? Ты ведь никогда не рассказывала.

Я отвернулась к окну, и мне почудилось, что в свете задних фар мелькнул худенький черный силуэт, словно кто-то выбежал на дорогу и смотрел нам вслед. Но машина уже свернула в сторону, и старое кладбище осталось позади.

– Лиз, ну чего ты, – обескураженно заметил племянник, настороженный затянувшейся паузой. – Не хочешь говорить – дело твое.

– Я сегодня очень устала, Макс. Давай как-нибудь в другой раз...

– Лиз, ты прости меня, дурака, если я что не так сказал, – покаянно произнес он.

– Все в порядке, – безжизненно откликнулась я, – не бери в голову...

За окном проносились леса, и я с тоской думала о том, что не видела золотой осени уже сто лет. Ночью все деревья черны, и только в солнечном свете сентябрьский лес пестрит всеми оттенками желтого и красного. Последняя золотая осень, которую я помню, была очень счастливой. Ведь тогда, в начале сентября, Алекс просил моей руки... А спустя полгода я сидела в своей комнате, листала дневник и готовилась стать вампиром.

Вопрос Макса разбередил мне душу, и, распрощавшись с ним у дверей бункера, я торопливо спустилась к себе в комнату. Помедлила перед ящиком стола, к которому не прикасалась уже несколько десятилетий. Потом повернула ключ в заржавевшем от времени замке и вытащила на свет тетрадь в кожаном переплете и пачку писем, перевязанных алой ленточкой.

Письма были от моего мужа, Алекса, погибшего в 1911 году на дуэли. А дневник хранил историю нашей любви, на-

чиная со знакомства на балу, где молодой граф был с друзьями-офицерами. Я наугад раскрыла страницу. Ноябрь 1910 года: «Сегодня Алекс Соколов попросил у родителей моей руки. Я самая счастливая на свете! Маменька говорит, чтобы я не решала стгоряча, чтобы присмотрелась к другим достойным женихам. По ее мнению, сын князя М. отчего-то лучше Алексея. Вот пусть и выходит за него сама! У меня своя жизнь, своя, своя! Я люблю Алекса и выйду за него замуж. Потому что верю, он – мой суженый...»

Я пролистнула несколько страниц, исписанных красивым округлым почерком. Декабрь 1910-го: «О свадьбе все решено. Свадебное платье мне шьет сама Надежда Ламанова. Сегодня была на примерке, платье – полный восторг! Мечтаю, чтобы Алекс скорее увидел меня в нем. Уже скоро, совсем скоро...»

До боли закусив губу, я перевернула еще несколько страниц. Снова примерки, приготовления к свадьбе, волнение юной невесты, заверения в любви жениха, поцелуй, сорванный украдкой в зимнем саду, вальс на балу, когда пол плыл под ногами, как палуба корабля, и спасали только объятия Алекса, крепко державшего меня за плечи... Месяц жизни, сокращенный до нескольких самых ярких эпизодов, самые волнующие встречи, самые нежные признания, самые пылкие клятвы, самый головокружительный танец, самые красивые письма. Сейчас они, перевязанные шелковой алой ленточкой, лежали рядом на постели, и я не находила в себе сил

до них дотронуться.

Вернувшись к дневнику, я пролистнула несколько страниц и добралась до предпоследней записи. Это было лаконичное и полное восторга признание в счастье, написанное летящим почерком.

Март 1911: «Я – жена Алекса. Ах, какое же это невозможное, восхитительное блаженство! Сколько радости и блаженства у нас впереди...»

Следующая строчка была размазанной, но даже теперь, почти сто лет спустя, я помнила, что написала в тот вечер после свадьбы: «Жизнь прекрасна и удивительна». А полгода спустя, в день превращения, я так же, как и сейчас, листала дневник. Только тогда я еще могла плакать. Когда слезы упали на последнюю строчку записи, я торопливо смахнула их рукой и смазала слова. Горькие слезы стерли с бумажных страниц упоминания о том, как прекрасна и удивительна была моя жизнь в первый месяц после свадьбы.

Всего их было два – два месяца острого, ослепительного счастья, такого сильного, что его невозможно описать словами. Поэтому дневник, постоянный спутник моих волнительных дней и бессонных ночей, с его радостями и сомнениями, кропотливо занесенными на бумагу чернилами и пером, с его отчаянием и мучительными рассуждениями, любит ли меня Алекс так же, как люблю его я, был заброшен в стол, заперт на ключ, стал частью прошлой, девичьей жизни. В месяцы после свадьбы мне было некогда заполнять новые

страницы дневника: я торопилась жить, не могла насытиться любовью своего молодого супруга, не могла надыхаться на него. Как будто знала, что смерть уже притаилась за порогом и готовится предъявить свои права на Алекса, навсегда разлучив нас...

Теперь, глядя на наполовину пустую тетрадь, я жалела, что не делала хотя бы коротких записей. Чтобы сейчас попытаться воскресить в памяти те дни счастья.

Последняя запись в середине тетради была сделана угловатым и резким чужим почерком. Август 1911 года: «Моя жизнь кончена. Алекса больше нет. Глупая дуэль! Лучше бы вместо него убили меня...» Дальше шла большая уродливая клякса, а прямо под ней было дописано: «Теперь мне все равно: что в омут, что в вампиры».

Почерк так резко контрастировал с другими записями, что казалось, будто писал другой человек. Так и было. Той прежней Лизы – трепетной, жизнерадостной, влюбленной, больше не было. А та, которой я стала после смерти Алекса, не знала улыбки, не верила в счастье и уже ничего не ждала. Все, что у меня тогда оставалось, – моя семья. Бабушка, дед и родители, которые были вампирами, сколько я их помнила, а еще брат Анатолий и его жена Анфиса, которые в ту самую минуту, когда я писала в дневнике, проходили через превращение в кабинете отца на первом этаже нашего петербургского особняка.

Я провела пальцем по большой черной кляксе, расплз-

шейся ниже. В день превращения я поставила ее от неожиданности, напуганная слабым женским вскриком снизу. Это кричала Анфиса.

Перед глазами помутилось, и я перенеслась в тот день, о котором так не любила вспоминать.

«Теперь мне все равно: что в омут, что в вампиры...» – размашисто начеркала я прямо под кляксой, едва не прорывая бумагу пером.

Потом с отчаянной решимостью поднялась с места. Моя очередь.

«У Анфисы нет выбора, – ясно прозвучал в ушах ровный голос матери. – У тебя есть. Подумай хорошенько».

– Тут и думать нечего! – с досадой пробормотала я, направляясь к лестнице.

В нескольких шагах от кабинета закружилась от волнения голова, ноги налились тяжестью, каждый шаг давался с трудом, словно тело протестовало против моего решения. Я остановилась, чтобы перевести дух, и тут дверь распахнулась, выпуская наружу брата с женой. Анатолий, всегда оживленный и веселый, показался мне каменным истуканом. Брат взглянул на меня так холодно и равнодушно, как будто я была безымянной горничной, а не его родной сестрой. Глаза его были чужими и безжизненными, словно из него разом вынули живую душу. На лице Анфисы тоже появилось какое-то незнакомое прежде выражение – надменное, отстраненное и чуточку ошеломленное. Она, в отличие от Анатолия, не знала,

что ее ждет за дверьми кабинета свекра, и, должно быть, еще не осознала в полной мере, что с ней произошло. Однако при виде меня ее тонкие ноздри по-звериному дрогнули, а светлые серые глаза сделались черными и злыми – словно сам дьявол глянул из них на меня. Невольно содрогнувшись, я отшатнулась к стене. В тот же миг из кабинета стремительно вышла Лидия, загородила меня собой и властно велела сыну:

– Уведи Анфису. Дуняша ждет в вашей комнате.

Я содрогнулась, поняв скрытый смысл приказа. Горничная должна была утолить жажду новопревращенных вампиров. Брат с женой устремились вперед и прошли мимо так быстро, как будто не касались пола ногами, а летели над ним. Я представила себе Дуняшу: полную, смешливую, с веснушками на круглых щеках, с застенчивым взглядом голубых глаз. Как можно пожелать ее крови? Как это все отвратительно, противоестественно, ужасно!

– Ты уверена, что хочешь того же? – Мать смотрела на меня печально и утомленно. В ее глазах я увидела невысказанную мольбу, что было вовсе удивительно. Лидия никогда не снисходила до просьб, она умела только приказывать.

– Да, – отрывисто сказала я, делая шаг к порогу, за которым стоял отец. – Я уверена.

Мне показалось, что я услышала слабый стон. Но, разумеется, все это было лишь следствием разыгравшихся нервов. Княгиня Лидия Воронцова прекрасно владела собой и никогда бы не допустила подобных проявлений слабости.

Я переступила порог и удивленно оглянулась на мать, изваянием застывшую в коридоре. Превращение должна была провести она. Так было заведено издавна: отцы превращали сыновей, а дочерей – матери. Но Лидия оставалась неподвижной, лишь ее губы едва шевельнулись, отвечая на мой немой вопрос:

– Прости, я не могу.

Наверху жалобно вскрикнула Дуняша. И мать, словно только и ждала этого знака, резко развернулась и скрылась из виду.

Я растерянно обернулась к отцу.

– Прежде всего, я хочу спросить тебя, Бетти... – Постороннему человеку его голос показался бы равнодушным и лишенным красок, но я с удивлением различила в нем мягкость и скрытую тревогу. – Ты хорошо подумала над своим решением? Тебе нет нужды торопиться, ты еще можешь найти супруга, родить ребенка и тогда...

– Все решено, отец, – отрывисто отрубил я, чувствуя, как предательски потеют ладони, как нервно дрожат пальцы, как сорвался, словно гитарная струна, голос.

– Значит, так тому и быть. Я проведу обряд. Если ты не против.

– Разумеется, нет. – Храбрясь, я сделала шаг вперед и принялась расстегивать пуговички на воротнике домашнего платья, обнажая шею для укуса вечности.

Пальцы тряслись, нащупать пуговицу удавалось не сразу,

я сердилась, мысленно кляня и свое малодушие, и портниху, пришившую такие крошечные, размером с горошину, пуговицы. Сердце бешено колотилось, как разгоняющийся паровоз. Словно торопилось отстучать удары за несколько десятилетий, предчувствуя, что вскоре остановится навечно.

– Достаточно. – Холодный голос отца прозвучал как пощечина, приводя в чувство.

Я склонила голову, выставляя незащищенную шею. Клыки отца двумя осиными укусами вошли в шею, а потом в кровь хлынул лед, устремившись к самому сердцу, которое уже замедляло свой надрывный бег...

Некоторое время спустя в комнате наверху я отступила от ослабевшей горничной, вытерла мокрые от крови губы и облизнула пальцы.

– Бетти, куда это годится? – укорила Лидия. – Не забывай о хороших манерах. – И она протянула мне белоснежный батистовый платок со своими инициалами.

3

День воспоминаний привел к тому, что я совсем не выспалась и была злая как черт, когда отец объявил на следующий вечер:

– Бетти, сегодня ты со мной едешь к Гагариным. У Мещерских я накануне побывал. Князь Николай ничего нового не сообщил, но пообещал переговорить со всеми своими родственниками.

– Но почему князь Мещерский сам не поговорит с Гагариными и остальными семьями? – в недоумении спросила я. – Он же все-таки главный.

– Он сейчас больше занят мирскими делами, – с иронией произнес отец. – Власти над тайным кланом вампиров ему мало. Ему нужна власть над всей Москвой, поэтому он надумал поиграть в выборы.

– Он решил выставить свою кандидатуру? – поразились я. – И он не боится, что журналисты или конкуренты про него что-нибудь раскопают?

Вот тебе и князь Мещерский, который больше всех ратует за сохранение нашей тайны!

– Насчет этого не беспокойся. Мещерский остается в тени и двигает во власть свою марионетку. Но, как понимаешь, в случае победы все решения принимать будет он сам.

– Понятно, – протянула я. – Значит, ему сейчас не до охот-

ников.

– Я и не собирался перекладывать эту проблему на его плечи, – резко возразил отец. – Это в первую очередь наша задача. Герасим нам не чужой, и найти и покарать виновника его гибели – дело чести. Так что собирайся, мы едем к Гагариным.

Плохи мои дела! Отец хочет взять меня с собой по одной-единственной причине. И причина эта – граф Константин Гагарин, бывший царский офицер, а нынче стопятидесятилетний красавец и вдовец. Долгие годы Константин жил вдали от семьи, в Париже, вместе с женой-француженкой. Год назад она погибла, и он вернулся в Россию. Я смутно помнила Константина, статного высокого брюнета с пронзительно-кариими глазами, еще по дореволюционным временам – кажется, мы пару раз виделись на балу. Быть может, даже однажды танцевали. Лидия же, прознав о возвращении одинокого вампира, в одночасье превратившегося в завидного жениха, только и мечтала заполучить Константина в зятя. Как-то я случайно услышала обрывок разговора родителей: Лидия сетовала, что Константин соблюдает траур по погибшей супруге и не появляется на людях, поэтому не удалось его повидать. В то же время она оживленно рассуждала о том, что лучшей партии для меня не найти: Константин из хорошей семьи, породниться с Гагариными – большая честь, брак укрепил бы положение нашей семьи в вампирском обществе. Да и вообще, большая удача, что француженка так

вовремя погибла, сделав Константина вдовцом. Помню, мне тогда сделалось так противно, что я выбежала из бункера, не в силах оставаться под одной крышей с Лидией ни минуты. Я сочувствовала Константину, который, как и я, потерял любимого человека, и в то же время не испытывала ни малейшего желания становиться товаром в вампирско-клановых отношениях. С того разговора прошел почти год. Похоже, траур графа закончился, и теперь родители воспользовались благовидным предлогом, чтобы свести нас.

– Пап, – заюлила я, – что-то мне сегодня нехорошо. Съезди лучше с мамой.

– Лизавета, – строго скомандовал отец, – марш одеваться. Через полчаса... нет, через час жду тебя у дверей.

Ах вот ты как? Тогда даже не надейся, что я убью час на то, чтобы понравиться Константину.

– Мне хватит и десяти минут, – сердито бросила я и быстро вышла вон.

Впрочем, я задержалась на четверть часа. Сперва из чувства протеста влезла в короткую юбку и обтягивающую майку – мой дискотечный прикид, на который клевали юные простаки, привел бы в ужас благородное семейство Гагариных, придерживающихся консервативных традиций. Я уже шагнула к туалетному столику, намереваясь сделать кричащий макияж из серии «вырви глаз», но так и замерла с красной помадой в руке. Какой тривиальный прием из кинематографа! Кажется, я пересмотрела слишком много комедий.

И, в конце концов, в фильмах такой метод от обратного как раз чаще всего приводит к свадьбе в финале.

Я отложила помаду, сняла вульгарные тряпки и вынула из шкафа строгое темно-синее платье с вырезом-лодочкой и тонким пояском. Как раз то, что нужно для официального визита. Никакой кричащей сексуальности, минимум женственности, максимум сдержанности. Из зеркала на меня смотрела Мэри Поппинс. Для полноты картины не хватает только гладкого пучка и зонтика.

– Бетти! – Лидия вошла в комнату и замешкалась на пороге.

Судя по ее настороженному взгляду, она ожидала увидеть меня в образе современной куртизанки. И я мысленно усмехнулась: она опоздала на каких-то пять минут.

– Уже иду.

– погоди минутку. – Она шагнула ко мне. – Я помогу тебе с макияжем.

– Не стоит, – резко возразила я и направилась к двери.

– Бетти! – умоляюще окликнула она меня. – Не будь буйкой.

– А что, – я с вызовом обернулась, – ты уже заказала себе платье для моей свадьбы? Надеюсь, не сильно потратилась?

Лидия ошеломленно промолчала, а я быстро вышла вон.

– Бетти, милая, как я рада тебя видеть! – Графиня Анна Павловна Гагарина встретила меня с распростертыми объ-

тиями.

Одного взгляда на ее взволнованное лицо было достаточно, чтобы понять: графиня целиком и полностью разделяет матримониальные планы Лидии. Не знаю, чего она опасалась больше: того, что сын может вновь уехать в чужую страну и оставить семью, или того, что он приведет в дом красотку без роду и племени, как когда-то поступил Никита, выбрав Камиллу. Я вполне устраивала ее в роли невестки. Об этом свидетельствовал и радушный прием, оказанный мне, и комплименты, сказанные при Константине («Бетти чудо как похорошела!»), и то, что за столом меня посадили рядом с вдовым графом.

Местом встречи стал банкетный зал ресторана, принадлежащего семье Гагариных. Все вампирские семьи хранили тайну своего жилища, наносить домашние визиты среди нас было не принято. Из соображений безопасности мы обычно встречались на нейтральной территории.

Константин поначалу взглянул на меня с некоторой враждебностью. Прекрасно понимая причину моего появления, он, видимо, опасался, что я пойду на все, чтобы его окольцевать. Его можно было понять: двадцатилетняя вдова-вампириша на выданье – это не шутки. На мгновение я испытала соблазн пошалить и довести бедного графа до нервного тика. Пожалуй, я бы так и сделала, будь он высокомерным и надменным. Но глаза Константина были полны затаенной тоски, а сам он выглядел несколько обескураженным сложившейся

ситуацией. Поэтому я только мягко ему улыбнулась, любезно поблагодарила графиню за комплимент и призвала отца не забывать о нашем деле. Светская беседа, к неудовольствию графини и моего отца и к нашей с Константином радости, была прервана. Отец взял слово, а я с самым сосредоточенным видом принялась его слушать.

Выслушав отца, старший граф Василий Гагарин твердо заявил, что никто из его семьи ни с кем из охотников в последнее время не встречался и ни о каких нарушениях со стороны их семьи не может быть и речи.

– В этом я и не сомневался, Василь, – поспешил заверить его отец. – Я приехал за тем, чтобы узнать, не подвергался ли кто-то из вас нападению, не замечал ли чего странного.

– Сожалею, но ничем помочь не могу, – развел руками граф.

Я с интересом наблюдала за беседой, гадая, какой же предлог выберет графиня или ее муж, чтобы задержать моего отца и оставить нас с Константином наедине. Долго ждать не пришлось. Граф заговорил о финансовых делах – о каких-то проблемах с банком, акционерами которого были обе наши семьи, и графиня с досадой воскликнула:

– Какая тоска! Не могу это слышать. Бетти, Константин, давайте пройдем в другой зал.

В углу большого зала, в котором сегодня не было ни одного посетителя, скучал белый рояль. Как банально, а я-то ожидала от графини чего позатейливей.

– Бетти, я помню, как изумительно ты играешь и поешь, – начала графиня.

– Я сегодня не в голосе, – самым любезным тоном отозвалась я.

– Тогда хотя бы сыграй, милая, прошу!

Деваться было некуда. Но если графиня ждет от меня ноктюрн Шопена или сонату Бетховена, она глубоко ошибается. Сейчас другой век, и музыка другая...

«До чего же мы несчастные царевны, нам законом запрещается любить, в нашем царстве уж таков порядок древний – по расчету надо замуж выходить», – мысленно подпевая, я сыграла элегический куплет из песни царевны Забавы. Графиня, судя по ее мечтательному виду, не узнала песню, а может, она просто не смотрела мультфильм «Летучий корабль». Поэтому, когда грянул задорный быстрый припев («А я не хочу, не хочу по расчету, а я по любви, по любви хочу! Свободу, свободу, мне дайте свободу, я птицею ввысь улечу!»), графиня вздрогнула и смерила меня недоуменным взглядом. Эх, жаль, что она не знает слов!

Поддавшись озорному настроению, я наиграла следующую песенку из современного репертуара.

«Ты отказала мне два раза. «Не хочу», – сказала ты», – мысленно подпевала я, скользя пальцами по клавишам в такт незатейливой веселой мелодии.

– Вот такая вот зараза девушка моей мечты, – негромко пропел насмешливый голос Константина, и я, вздрогнув,

прервала игру.

– Графиня уже ушла? – Я настороженно оглядела зал и убедилась, что мы в нем одни.

Ничего не изменилось в уловках матерей за последний век.

– Исключительно важный телефонный звонок оторвал ее от наслаждения вашей изумительной игрой, княжна, – облокотившись о рояль, с предельно серьезным видом сообщил граф.

– Откуда вы знаете эту русскую песню? – запоздало удивилась я. – Вы же жили за границей.

– Я навещал родных здесь, – ответил Константин и с лукавством взглянул на меня. – Так что намек понят, дорогая княжна.

– Простите. – Я неожиданно смутилась. – Не знаю, что на меня нашло.

– Не стоит извиняться. Я даже рад вашему протесту... – Он внезапно осекся.

– Вот как? – рассмеялась я. – В былые времена молодые господа стрелялись из-за отказов и молили о согласии.

И наиграла: «Как упоительны в России вечера! Любовь, шампанское, закаты, переулки...»

– Ах, лето красное, забавы и прогулки, как упоительны в России вечера! – тихо напел Константин и с тоской улыбнулся. – Те времена давно в прошлом. Былой России нет, и лето мы теперь все больше видим черным... И что кривить

душой, ни вы, ни я уже не молоды. И мы совсем не те, что раньше.

Внезапно он пристально взглянул на меня и произнес:

– Я помню вас до превращения, Бетти. В вас было столько радости, столько жизни, сколько бывает только в семнадцать лет.

«Не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда», – вместо ответа наиграла я.

– А так хотелось бы повторить, правда? – в порыве внезапной грусти спросил Константин.

«Все пройдет: и печаль и радость, все пройдет: так устроен свет», – сама собой наигралась мелодия.

– Все пройдет, только верить надо, что любовь не проходит, нет, – подхватил Константин с изменившимся лицом. Меня поразили его глаза – черные от горя и совершенно безжизненные.

В зале повисла тишина, и пространство, казалось, наполнилось призраками. Я почти отчетливо увидела Алекса, который когда-то точно так же, облокотившись о рояль, стоял рядом и слушал, как я музицирую. Константин, застывшим взглядом глядя куда-то в сторону, должно быть, видел свою погибшую возлюбленную.

– А знаете, Бетти, – внезапно сказал граф, – если бы я во второй раз женился, то только на вас.

– Надеюсь, вы шутите, – дрогнула я.

– Ничуть, – без улыбки ответил Константин. – Кто еще

поймет бессмертного, как не другой бессмертный? К тому же переживший подобную трагедию в жизни. Простите, – спохватился он, заметив, как изменилось мое лицо, – мне не стоило этого говорить.

– Не извиняйтесь, граф. – Я поднялась из-за рояля. – И не разбрасывайтесь подобными обещаниями. Вдруг кто-нибудь услышит, тогда уже нам обоим не отвертеться.

– Так вы мне отказываете, Бетти? – с какой-то обреченностью в голосе спросил он.

– Давайте не будем обманывать друг друга, граф, – устало ответила я. – Наши родители хотят этого брака, потому что видят в нем выгоду для себя. Но нам-то что с него?

Константин поймал мою руку и коснулся губами кончиков пальцев. Я не почувствовала ничего. Ни-че-го. Хотя, когда мои руки целовал Алекс, я сходила с ума от наслаждения. Я смотрела на склоненную голову Константина – по-прежнему красивого и молодого, но уже утратившего все человеческие эмоции, и понимала, что он никогда не скажет мне тех слов, которые я прочитала тогда в эсэмэсках в чужом телефоне. Люди любят, вампирам эта роскошь недоступна. Супруги, ставшие вампирами, живут по привычке. А вампиры, которые сходятся между собой, делают это исключительно по расчету.

Судя по еще больше потемневшему взгляду Константина, он думал о том же. Он тоже ничего не испытал, целуя мою руку. Поцелуй, который для людей был источником удоволь-

ствия, у вампиров превратился в механический жест. И если с погибшей женой его связывали воспоминания о молодости, о том времени, когда они оба еще были людьми, то друг другу мы оба были чужими. И даже вечность не изменит этого.

– Прощайте, – шепнула я, отнимая руку, и быстро вышла из зала.

На следующий день я узнала, что Константин погиб. Охотник тут был ни при чем. Константин оставил для своих родных записку, что не видит смысла в дальнейшем существовании. Он так и написал «в существовании», а не «в жизни». А потом ушел в рассвет. Может быть, если бы я была с ним мягче, если бы солгала, обнадежила, он бы еще был жив... Впрочем, я не была уверена в том, что он был жив в момент нашей беседы. Кажется, он уже давно все для себя решил. Разговор со мной только помог ему решиться.

Смерть Константина потрясла нашу семью, особенно Лидию, которая никак не могла поверить, что ее надежды породниться с Гагариными рухнули. Но оплакивать чужого родственника было некогда: проблема с охотником никуда не делась, и мы продолжили его поиски. Хоть какое-то развлечение в нашем положении.

Заголовок на первой полосе желтой газеты кричал: «Камилла Корнилова на роль жертвы вампира – кино или страшная реальность?» К передовице прилагалось фото Камиллы в окружении самых знаменитых киновампиров: Дракулы, Лестата, Луи, Селены.

Сама статья, подписанная специалистом по вампирам журналистом Павлом Дятловым, была еще бредовее, в этом я убедилась с первых строк:

«Ночь, улица, фонарь, припозднившаяся красавица и незнакомец с клыками вампира. Это не зарисовка из сценария к фильму ужасов, а вчерашняя ночь из жизни знаменитой актрисы Камиллы Корниловой».

«Похоже, Москву и область ждет нашествие вампиров, – распинался Дятлов ниже. – Летом мы уже сообщали о шокирующем убийстве в Кротове. Тогда неизвестный вбил в сердце местного жителя Герасима Иванова осиновый кол и оставил на стене комнаты надпись: «Покойся с миром, вампир». На днях тема вампиров получила неожиданное продолжение уже в Москве. Поздно ночью было совершено нападение на известную актрису Камиллу Корнилову.

Звезда сериала «Золушка с Рублевки» возвращалась домой после фотосессии для известного журнала. Припарковав автомобиль на охраняемой стоянке в пяти минутах от дома,

Корнилова покинула стоянку и направилась к жилому комплексу. На середине пути, у забора стройплощадки, вдруг появился неизвестный мужчина.

«Он как из-под земли появился, – рассказывает актриса. – Я заметила его, уже когда нас разделяло несколько шагов. Он был высоким, хорошо одетым, и его внешность не вызывала страха».

Хотя на улице никого не было, Корнилова не почувствовала в нем угрозы и решила, что это ее поклонник. Мужчина приблизился и преградил актрисе дорогу.

«Он просто молча смотрел на меня, – вспоминает Корнилова. – И, чтобы его приободрить, я даже спросила, дать ли ему автограф? Или, быть может, он желает со мной сфотографироваться?» В ответ мужчина хищно улыбнулся, и актриса увидела у него во рту длинные клыки. Но и тут Корнилова не испугалась! «Я подумала, что кто-то решил меня разыграть, – объясняет Камилла. – Даже сказала ему: «Выглядят почти как настоящие. Я почти боюсь. Кто тебя нанял?» В ответ незнакомец схватил актрису за плечи и в мгновение ока оттащил к забору стройплощадки. И тут актрисе стало по-настоящему страшно.

«Я умоляла его, – с дрожью вспоминает Камилла. – Просила забрать деньги из сумочки, готова была снять с себя бриллиантовые серьги – подарок супруга на годовщину свадьбы. Но ему ничего этого было не нужно. Готова поклясться, он хотел меня укусить!» Мужчина наклонился к актрисе,

но внезапно отшатнулся и зашипел.

«Он исчез так же стремительно, как и появился, – рассказывает Корнилова. – Словно сквозь землю провалился».

Шокированная нападением, актриса добралась до дома и заперлась на все замки. «Я не сразу догадалась, что меня тогда спасло, – признается она. – Уже позже, снимая с себя украшения, я заметила на шее серебряное кольцо, которое забыла вернуть после фотосессии. Я знаю, мои слова покажутся странными. Но что еще могло заставить того мужчину оставить меня в живых? Мы были совершенно одни, и никто не мог прийти мне на помощь. Тут поневоле поверишь во всякую мистику».

Сообщать о нападении в милицию Корнилова не стала. «Лица его я не помню. Знаю, это звучит странно, ведь он не скрывал его. Но у меня в голове словно туман. Ничего не могу вспомнить! – объясняет актриса. – Если встречу его снова – даже не узнаю». Супруг актрисы, известный кинорежиссер Никита Брусникин, очень переживает из-за нападения на жену и пообещал приставить к ней охранника.

От себя добавим, что это таинственное происшествие оставляет массу вопросов. Был ли нападающий на самом деле? И как он выглядел? Сказать сложно. Нападение произошло на территории вне поля зрения камер наблюдения, которые установлены на стоянке и у подъезда дома. Был ли мужчина, напавший на Корнилову, вампиром? И какие цели он преследовал? Хотел ли он утолить жажду и Корнилова слу-

чайно попалась ему на глаза? Или их встреча была не случайной? Что, если вампирам приглянулась актриса, недавно вошедшая в список ста самых сексуальных знаменитостей Москвы, и они захотели сделать ее одной из них? Останутся ли они в этом случае, потерпев неудачу? Вернется ли вампир, чтобы закончить начатое? Станет ли звезда сериала «Золушка с Рублевки» первой бессмертной в нашей тусовке знаменитостей? И защитит ли актрису от повторного нападения присутствие бодигарда? Быть может, куда надежнее ожерелье из чеснока и осиновый кол?»

– Кто придумал этот бред? – только и смогла вымолвить я, брезгливо отложив газету.

– Но-но! – осадил меня отец. – Никита старался, сочинял историю для Камиллы.

– Вот и видно, что перестарался! Получился отрывок из его сценариев, на которые ни один простак не купится.

– Это ты зря, – возразила Лидия. – Журналист же купился! Вон как складно все Милочкины слова изложил. До главного редактора дошел, первую полосу под статью выбил. – Она любовно разгладила газету. – Теперь охотник точно клонет на удочку.

– Камилла что-нибудь узнала у этого Дятлова? – уточнила я. – Инне он так и не сообщил ничего стоящего.

– Она как раз должна приехать, чтобы рассказать. Кстати, – Лидия с тревогой взглянула на часы, – пора бы уже ей и появиться.

Камилла явилась через два часа – румяная и сытая.

– Могла бы и предупредить, что задерживаешься, – холодно заметила я. – Мы бы тоже успели сбегать подкрепиться. А то сидим тут как привязанные.

– Я не из-за этого опоздала, – с довольной улыбкой возразила наша звезда. – Перекусила я по дороге – превысила скорость, вот ко мне гаишник и привязался. Как тут отказать себе в десерте? Вы лучше послушайте, кто ко мне на съемочную площадку заявился и требовал аудиенции!

– Неужто охотник? – ахнула Лидия.

– Не могу утверждать, – Камила гордо распрямила плечи, – но, похоже, он самый.

– Как это не можешь утверждать? – нахмурился отец. – Ты разве не проверила его мысли?

– Ты же знаешь, я в этом не особо сильна. – Камила изобразила досадливую гримаску. – Это Лиза читает всех, как раскрытую книгу, а у меня, как включаю телепатию, ощущения такие, будто слушаю приемник с плохим сигналом. К тому же в голове у мальчишки сплошной мусор, и не разберешь, что из этого правда, а что домыслы.

– Но Герасима ведь он убил? – поинтересовалась Лидия.

– Герасима он видел и был уверен в том, что тот вампир, это точно, – кивнула Камила. – Но он ли его убил или это был кто-то другой, я не поняла.

Лидия разочарованно вздохнула, Камила обиженно поджала губы и заметила:

– Между прочим, я в дознаватели не нанималась. Моей задачей было заинтересовать парня, выманить его из подполья и заставить обратиться ко мне. И, замечу, это было не так просто! Парень рвался в студию с таким упорством, что охрана приняла его за сумасшедшего и слегка помяла. Мне они даже звонить не стали. Хорошо еще, что я сегодня ушла рано – к вам торопилась. Как раз застала тот момент, когда они его успокаивали на проходной. А уж когда он меня увидел и начал вопить, что он все знает про вампиров и может мне помочь, я поняла, что рыбка попалась. Очень приткий мальчик! Охранники не сразу его отпустили. Все боялись, что он меня покалечит. Насилу уговорила оставить нас с ним наедине. И знаете, что было самое трудное? Мы одни в примерке, у парня кровь из носа фонтаном, я голодная с прошлой ночи, а этот дурачок еще меня убеждает в том, что вампиры существуют и он это знает наверняка!

Лидия нервно сглотнула, отец нахмурился, а я взглянула на Камиллу с уважением. Испытание она вынесла не из легких! Неудивительно, что она не смогла толком разобраться в его мыслях. Где уж тут до телепатии, когда желудок сводит судорогой от нечеловеческой жажды... А за дверью охранники начеку. И только бы Камилла накинулась на парня, они бы тут же ворвались в примерку. Тогда катастрофы было бы не избежать.

– Надеюсь, ты не... – Отец не договорил.

Камилла с достоинством усмехнулась:

– Не переживайте, я умею держать себя в руках. Хотя это было чертовски сложно, – вымученно добавила она. – Ну, теперь никто не станет меня упрекать в том, что я мало сделала и утолила жажду по дороге? Теперь мы знаем охотника в лицо и по имени, и к делу могут подключиться другие. – Она выразительно взглянула на меня.

– И о чем же вы говорили? – спросила я.

– В основном он меня расспрашивал о нападении вампира.

– Он ничего не заподозрил? – торопливо вклинился отец.

– Обижает, Евгений. – Камилла поджала губы. – Мальчик только очень расстроился, что я не смогла указать ему никаких особых примет вампира. По его глазам было видно, что ему не терпится нанести визит одному из нас.

– Он очень молод? – нахмурился отец.

– Внешне – твой ровесник, на вид лет двадцать.

Я чуть не выругалась. Одно дело – бороться с взрослым опасным соперником, и другое – убрать с дороги неопытного мальчишку. Хотя не стоит забывать, что этот мальчишка хладнокровно убил Герасима и, судя по словам Камиллы, мечтает добраться до кого-то из нас и его рука не дрогнет. Так было всегда: или мы их, или они нас. Бывших охотников, как и бывших вампиров, не бывает. Убив вампира однажды, охотник уже не остановится. И, вставая на этот путь, парень осознавал все риски. Он добровольно подписал себе смертный приговор. Мы станем лишь исполнителями.

– А ты расспросила его? – допытывался отец. – Что он знает о нас?

– Уж извини, мне было немножко не до того. – Камилла дернула плечом. – Вся примерка пропахла его кровью, и я была не расположена к длительной беседе. Пришлось сослаться на срочные дела и сбежать отсюда.

– Где же ты так задержалась? – изумилась Лидия.

Камилла достала из сумочки глянцевый журнал и положила на стол. На обложке размашистым почерком Камиллы была выведена какая-то надпись.

– Это его адрес, – пояснила она. – Я следила за ним. А это, – она выложила вырванный из блокнота листок в клетку с чужим угловатым почерком, – его телефон. Он просил позвонить, если я что-то вспомню.

– Отлично! – с ликованием заключила Лидия. – Так мы в любой момент можем загнать его в ловушку. Достаточно одного твоего звонка и просьбы о встрече.

– И какой в этом толк? – осадил ее я. – Ну прижмем мы его к стенке, ну напугаем, ну убьем. А если он не один? Если у него есть сообщники? Да и вообще хорошо бы узнать все, что ему о нас известно. Оказавшись в западне, он нам ничего не скажет.

– Но ты же сможешь прочитать его мысли! – возразила Лидия.

Я досадливо поморщилась. Почему-то в семье меня считают сильной телепаткой, тогда как я всего лишь умею вни-

мательно слушать. Неважно что – мысли, разговоры. Лидия, к примеру, неспособна выслушать собеседника до конца. Я еще не успела договорить, а она меня уже перебивает. Где уж ей услышать мысли собеседника, когда она и слов-то его не слышит!

– Когда человек напуган и чувствует смертельную опасность, его мысли только о том, как выжить. Тут уж, извини, не до обстоятельных допросов! – отрубил я.

Лидия оскорбленно сверкнула глазами.

– Бетти права, – заметил отец и требовательно уставился на меня. – Какой у тебя план?

План возник спонтанно, и как только я начала его озвучивать, сразу же поняла всю его абсурдность.

– Разыграть перед охотником сцену нападения вампира на жертву? – переспросил отец и в задумчивости потер подбородок.

– Если я выступлю в роли жертвы, а вампир после «нападения» скроется, то я смогу подробно расспросить охотника и спокойно послушать его мысли, – торопливо добавила я. – Я все разузнаю, а потом уже избавимся от него.

– А что, – отец одобрительно кивнул, – идея неплохая. Охотник, судя по всему, совсем неопытный. Если он в Камилле вампира не почуял, значит, определять нас только по внешнему виду не умеет и тебе не грозит быть узнанной. Справишься с ролью жертвы-то?

– Не сомневайся! – заверила я.

– А кто же у нас будет вампиром?

Идея пришла так же неожиданно, как и до этого – сам план.

– Макс!

– Максим? – хором удивились родители.

Но, выслушав мои аргументы, согласились. Теперь осталось убедить самого Макса.

На следующую ночь вся семья собралась в бункере, чтобы продумать дальнейшие действия. Не хватало только Макса. Пока мы отсыпались днем, он колесил по городу на хвосте у охотника, выясняя распорядок его дня и контакты.

Если Макс согласится на предложенную авантюру, засаду для охотника можно организовать уже завтра ночью. Обсуждая детали, мы ждали возвращения Макса.

Наконец он появился – усталый, но довольный. Макс думает, что помогает нам избежать опасности, но он понятия не имеет о том, что ждет охотника. Отец моментально понял по изменившемуся лицу Макса, что тот не одобрит смерти человека, и заверил его в том, что мы только разузнаем у охотника, нет ли у него помощников, которые могут угрожать нашей безопасности, и отпустим его с миром, предварительно стерев информацию о вампирах из его разума. Если бы это было так просто! Легко выбросить из памяти человека события последних пяти – десяти минут, как я недавно сделала это с Цепешем. А манипуляции с долговременной памятью опасны и грозят безумием не только человеку, но и вампиру, который совершает воздействие. Ни один из нас на это не решится, тем более что вероятность благоприятного исхода очень мала. Неоправданно мала для того, чтобы кто-то из нас захотел рискнуть своим душевным здоровьем. Но

Макс купился. И неудивительно – ведь в кино вампиры стирают память с такой же легкостью, с какой ребенок удаляет ластиком неудачную деталь на рисунке. Обманывать Макса совестно, но иначе он не станет нам помогать. А без его помощи ничего не получится.

– Докладываю, – бойко начал он, садясь за стол и наливая себе в бокал минералки. На столе только одна бутылка минеральной воды – для Макса. Напротив остальных бокалы с красным вином, разбавленным кровью, которым мы заглушаем жажду, дожидаясь ночной охоты. – Наш Олег Кобылкин, возомнивший себя истребителем вампиров, учится на вечернем отделении матфака.

Я ухмыльнулась про себя, услышав фамилию охотника. Уверена, Макс с его интересом к смешным фамилиям, который он продемонстрировал на кладбище, ее оценил.

– Пока парень сидел на лекции, я наведалься в деканат и вот что узнал, – докладывал Макс. – Первые два курса Кобылкин был отличником. Но весной этого года ситуация кардинально изменилась. Кобылкин стал пропускать лекции, с трудом сдал летнюю сессию и был на грани отчисления. Декан искренне симпатизирует парнишке. На втором курсе он вел у группы Кобылкина матанализ и считает Олега одним из лучших своих учеников. Поэтому до отчисления дело не дошло, декан поговорил с парнишкой по душам, по-отечески его пожурил, наставил на путь истинный и помог закрыть «хвосты».

– Тебе не удалось узнать, с чем связаны такие перемены в отношении к учебе? – поинтересовалась я.

– Секретарша, с которой я пообщался в деканате, не в курсе. А сокурсников Кобылкина я расспрашивать побоялся, чтобы его не спугнуть.

– Правильно, – одобрил отец. – По срокам и так можно предположить, что весной парень или познакомился с другими охотниками, или сам догадался, кто такой Герасим.

– Но как он мог встретиться с Герасимом? – удивилась я. – Герасим в последнее время жил в Кротове. Разве что Кобылкин случайно столкнулся с ним где-то в городе? Или у Кобылкина дача в Кротове?

– Этого я не знаю, – развел руками Макс. – Но интерес Кобылкина к вампирам очевиден. Перед тем как зайти в метро, он заскочил в книжный магазин и еще задержался у лотка с дивиди-дисками. Купил толстенный том Челси-Куин Ярбро «Отель «Трансильвания» и сборник фильмов «Блэйд».

– «Блэйд?» – с пренебрежением фыркнул Никита. – Ужасный выбор. Фильм – редкая халтура!

– Ярбро, говоришь? – задумчиво протянула Анфиса. – Не самый известный писатель вампирских романов в России. Значит, Энн Райс, должно быть, уже прочитана целиком.

– А в супермаркет за чесноком он не заходил? – ехидно спросила я. – А в ювелирный за серебром?

– В ювелирный не заходил, а в продуктовый забежал, – хмыкнул Макс. – Вышел оттуда с пакетом. Чеснок не разгля-

дел, а вот молоко с хлебом там были.

– Бедный студент, значит, – снисходительно заключила Лидия. – С молока на хлеб перебивается.

Отец одернул ее раньше, чем та сболтнула лишнее. С нее бы стало заявить, что при таком рационе мальчишка нам не противник и убрать его не составит труда даже для нее. К счастью, Макс этого не заметил, а я поторопилась занять его внимание вопросом:

– Ты выяснил расписание Кобылкина? Завтра у него есть занятия?

– Да, вот оно. – Макс вытащил из кармана листок с расписанием. – Это мне секретарша распечатала, – пояснил он на наши удивленные взгляды.

– Надеюсь, очаровывая девушку, ты не забыл, что женат? – усмехнулась я.

– Ты же знаешь, что мне, кроме Машки, никто не нужен, – оскорбился Макс. – Для вас же стараюсь!

Это точно. Макс такой же однолюб, как и я сама. В своей Маше он души не чаёт, так же, как и она в нем.

– Значит, завтра у него занятия заканчиваются в половине десятого? – уточнила я, изучив расписание. – А дорога до дома сколько занимает, выяснил?

– Конечно, как ты и просила. Только он в метро ехал, а я поверху на машине. К счастью, пробок в это время уже не было, так что я успел приехать к метро раньше него и дождался, пока он появится. До дома он добирается пятьдесят

минут. Это с учетом того, что до метро и от метро он ходит пешком.

– Очень хорошо, – кивнула я, сверившись с расписанием. – Значит, завтра после занятий он будет подходить к дому примерно в десять двадцать вечера. Не очень устал? – обратилась я к племяннику. – Отвезешь меня туда сегодня? Надо изучить дорогу и выбрать место для нашей встречи.

– Для встречи? – Макс напрягся. – Что вы надумали?

Когда я закончила излагать свой план, он широко ухмыльнулся:

– Ну, Лизка, такое только тебе в голову могло прийти!

– Ты еще не знаешь всего, – едва сдерживая смех, сообщила я и выпалила на одном дыхании: – Макс, придется тебе сыграть вампира!

– Мне? – изумился он.

– Ну а кому же еще? Сам подумай. Если мне отведена роль жертвы, то вампиром, по закону жанра, должен стать кто-то из мужчин, – принялась втолковывать я. – Согласись, твоя мать или тетка на роль злодейки никак не тянут. Какой дурак поверит в вампиршу, которая выглядит, как Баффи? Выбирать приходится из моего отца, брата, Рафаэля, Виктора, Никиты и тебя. Папочка, конечно, хорош в роли романтического вампира с обложки, но я же со смеху сдохну, когда придется разыгрывать с ним сцену покусания. Анатолий сейчас сдает проект – вон даже сегодня на сборище не явился.

– Он правда очень занят! – вступилась за супруга Анфиса.

– Рафаэль, Виктор и Никита слишком известны, чтобы впутывать их в эту историю, – продолжила я. – Кто знает, как поведет себя этот охотник. Подкараулит потом Никиту на церемонии вручения «Ники» или Рафаэля на открытии выставки – и все, привет! Ты же не хочешь, чтобы твои тетки овдовели раньше времени?

Я уж умолчала о том, каких усилий мне стоило убедить Инну, что ее драгоценному сыночку со мной ничего не грозит, и если охотник и накинется на Макса, то я в любом случае среагирую быстрее и уведу племянника из-под удара.

Макс озадаченно нахмурился и с сомнением спросил:

– Думаешь, я справлюсь?

– Непременно! – заверила его я.

– Если только ты подскажешь, как правильно себя вести, – заколебался он.

– Для начала тебя надо переодеть, – окинув его критическим взглядом, заключила я. – Вампиров в джинсах и в футболке с Чебурашкой не бывает.

– Тогда, может, мне поменяться футболкой с дядей? – с серьезным видом предложил Макс, едва сдерживая смех, и кивнул на Никиту, который ковырял зубочисткой клык, с интересом прислушиваясь к нашей беседе и даже отодвинув работающий ноутбук, с которым не расставался ночи напролет. На Никите – джинсы и футболка с надписью «Harry New Crisis», которую он привез из Нью-Йорка.

– Никита – неправильный вампир! – зашипела я. – Его бы

в кино сниматься не взяли.

– Поэтому я его снимаю сам, – невозмутимо парировал тот.

– Вместо того чтобы ерничать, подсказал бы внуку, как правильно закосить под вампира, какими их показывают в кино, – пристыдила я.

Никита придвинул к себе ноутбук, несколько секунд постучал по клавишам, потом развернул к нам монитор. Все сидящие за столом подались к голубому экрану.

– Классика жанра: Макс Шрек в «Носферату», – торжественно объявил Никита.

С черно-белого снимка на нас злобно тарасилась омерзительная рожа. У вампира был низкий лоб, устрашающе выпученные глаза, горбатый нос и хищно приоткрытый рот, в котором виднелись два по-акульему длинных и острых зуба. Таким только детей пугать. Макс при виде страшилища сложился пополам от хохота.

А вот мне и Лидии, когда мы впервые увидели этот шедевр немого кинематографа в тысяча девятьсот двадцать втором году, было совсем не до смеха. Выйдя из кинозала, Лидия торопливо достала зеркальце и, убедившись, что с киношным вампиром у нее нет никакого сходства, слабым голосом спросила:

– Как думаешь, мы тоже станем такими лет через сто?

– Надеюсь, нет, – постаралась не выдать своего страха я.

– Если это когда-нибудь случится, – Лидия с решимостью

посмотрела на меня, – и я превращусь в подобное пугало, пообещай, что убьешь меня!

А вскоре пошли слухи, что актер, сыгравший Дракулу, в самом деле вампир. Поводом для сплетен послужил тот факт, что Макс Шрек ни разу не появился перед съемочной группой без грима. Лидия, услышав про это, стала сама не своя. Ее страхи превратиться в чудовище еще больше окрепли. Однажды она пропала на всю ночь, а когда вернулась, на ее раздурманившемся лице сияла умиротворенная улыбка, а в уголке губ чернела капелька засохшей крови.

– Я все проверила, – сообщила она мне. – Это только грим.

С тех пор минуло уже более восьмидесяти лет, а мы с Лидией почти не изменились внешне. Меняются только прически и одежда. Но внешне мы по-прежнему выглядим людьми. Судя по остекленевшему взгляду Лидии, она тоже вспомнила тот давний поход в кино и свое знакомство с актером, гениально перевоплотившимся в Носферату. А Макс все продолжал угорать над киношным страшилой.

– Нет, такое ему в жизни не сыграть, – удрученно заключила я. – Давай дальше.

Никита поколдовал над клавишами, вызывая следующую картинку, и по гостинной пронесся вздох омерзения. На экране монитора – хищно нависший над своей жертвой древний уродец. Кривоzubый, лысый, с восковым лицом и морщинами шарпея – он кажется еще более отвратительным на фоне юной прелестницы с разметавшимися по белой подуш-

ке темными кудрями, тщетно пытающейся отстраниться. На укоризненные взгляды присутствующих Никита пожал плечами:

– А что? Это один из канонических образов вампира в кино.

– А в кино есть вампиры чуть покрасивее зомби? – раздраженно поинтересовалась Лидия.

Никита склонился над ноутбуком и задал новый запрос Яндексу.

– Вауля! Двадцатка лучших вампиров в истории кино.

Мы молча разглядывали галерею Дракул. Дракула в исполнении Кристофера Ли – немолодой, морщинистый, красноглазый, с залезшими седыми волосами, оскаливший крупные желтые зубы. Дракула Белы Лугоши хоть отвращения не вызывает. Вполне себе аристократичный дяденька лет пятидесяти, в смокинге и белой сорочке. Никаких клыков наружу, все чинно и благородно. Нарядный костюм, аккуратно уложенная воском прическа. Вот только глаза дикие, безумные. Макс такое в жизни не сыграть!

– Давай следующего, – попросила я Никиту.

На экране монитора возник кадр из «Дракулы Брэма Стокера» – престарелый кровосос в высоком припудренном парике, навевающим мысли о мадам де Помпадур.

– А что, – задумчиво изрек Никита, – если Макса загримировать, он произведет фурор на московских улицах.

Макс в панике отшатнулся от ноутбука. Никита, сжалив-

шись, шелкнул клавишей.

– А это что за щеголь? – заинтересовалась Лидия.

На экране появился настоящий великосветский денди, от фрака и жилета до цилиндра одетый в серое. Темные локоны, щегольская борода, трость в руке, затянутой в перчатку.

– Тот же фильм, тот же Гэри Олдман, – прокомментировал Никита, – только в молодые годы Дракулы.

– А что, по-моему, неплохо! – Лидия перевела взгляд на Макса и мысленно примерила на него образ франта. – Цилиндр мы тебе найдем, похожий костюм, только черный, сохранился у Евгения со старых времен.

– Может, сразу в цирк меня сдадите? На опыты? – мрачно спросил Макс.

– Нет, – пришла ему на помощь я, – это не вариант. Давай дальше, Никита. Это не вампир, это какой-то жиголо из прошлого века.

Никита снова поколдовал над клавиатурой.

– Вот вам «Интервью с вампиром». На выбор страдающий вампир Луи, кровожадный вампир Лестат и жестокий вампир Арман.

Женская половина прильнула к экрану, любуясь молодыми Брэдом Питтом, Томом Крузом и Антонио Бандерасом.

– Я вам рассказывала, как однажды в Америке встретила Брэда? – взволнованно шепнула Лидия. – Он тогда только-только снялся в «Тельме и Луизе» и был совсем мальчишкой.

– Ну и каков он на вкус? – жадно поинтересовалась Инна, но тут же осеклась под укоризненным взглядом сына и сделала вид, что полностью поглощена фотографиями.

С экрана монитора зверски скалился Круз – Лестат, нависнув над распростертой жертвой. С вселенской печалью в светлых глазах с измененной линзами радужкой смотрел Питт – Луи, демонически улыбался Бандерас – Арман. Жгучего мачо не портили даже подведенные помадой губы.

– Кровожадные нам, конечно, больше подходят, – принялась рассуждать Анфиса.

– Вот только Максим больше на Брэда Питта похож, – заметила бабушка Софья. – Думаю, это как раз его образ.

– Я губы красить не буду! Даже не уговаривайте! – заартачился Макс.

– Интересно, – вмешалась я, – как ты предлагаешь одеть Макса? Фильм исторический, у актеров парики и старомодные костюмы. Где мы Макс у такие панталоны найдем?

При слове «панталоны» Макс налился краской, и я торопливо добавила:

– И вообще нам нужен современный вампир, а не пропахший нафталином.

– Привередливая какая, – проворчал Никита и вновь застучал по клавишам ноутбука. – Выбирай!

На экране появились герои девичьих грез. Актеры из сериала про Баффи и еще один Лестат, на этот раз в исполнении британского красавца Стюарта Таунсенда в фильме

«Королева проклятых». Фарфоровое лицо, большие темные глаза, мягкие каштановые локоны, кровь на пухлых губах...

– До чего на Ричарда похож! – с умилением воскликнула Лидия.

Я досадливо поморщилась, вспоминая своего знакомого английского принца. Лидия спит и видит, как бы нас поженить. Но у Ричарда на меня совсем другие планы. Он уже полвека пытается затащить меня в постель и пополнить список своих любовных побед, который за полторы сотни лет насчитывает уже не меньше тысячи разбитых сердец. Вот только ничего у него не выходит и не выйдет. Становиться номером тысяча двести шестьдесят семь я не желаю. А вот Лидия с чего-то вбила себе в голову, что лучшей партии для меня не сыскать, и, стоит Ричарду появиться в Москве в поисках новых приключений, как тут же начинает его привечать.

Лидия все еще пытливно тарасилась на меня, и, глядя на фото Таунсенда, я вынуждена была признать ее правоту. Когда я впервые смотрела это кино, мне даже показалось, что актер был знаком с Ричардом и перенял часть его жестов и повадок для своей роли.

– Кстати, может, пригласим Ричарда на роль вампира? – предложила Лидия. – Заодно и повидаемся. Что-то он давно нас не навещал.

Если быть точнее, уже года три как. И еще бы три века его не видеть!

– Прекрасная идея! – горячо одобрил Макс. – Лучше кан-

дидатуры не найти!

– Только через мой труп, – мрачно процедила я сквозь зубы. – Макс, даже не думай. Не отвертись! Лучше выбери образ, который тебе наименее отвратителен. Да не придерничай, уже не так много до конца списка осталось.

Наклонившись к ноутбуку, я сдвинула курсор, убирая из поля зрения фотографию Таунсенда, и вывела на экран крупные изображения актеров из сериала «Баффи – истребительница вампиров». Сумрачно-сексуальный красавчик Ангел нежно убирает прядь белокурых волос с обнаженной шеи Баффи. Плохой парень Спайк в черной майке, черных джинсах и в распахнутом черном кожаном плаще с угрозой смотрит с экрана.

Глядя на них, Макс воспрянул духом и кашлянул:

– У меня есть такая же майка и джинсы.

– А я видел в киностудии такой же плащ, – подхватил Никита. – Ну что, делаем из тебя Спайка?

– Какой-то он... обычный, – с сомнением протянула Инна.

– И не скажешь, что вампир, – поддакнула Анфиса.

– Хулиган обыкновенный! – презрительно скривила губы Софья.

– Ну, дамы, на вас не угодишь! – раздраженно рявкнул Никита и щелкнул клавишей.

Бледнолицых секс-символов сменил чернокожий убийца вампиров, губастый и непрезентабельный полувампир Блэйд. Резкие черты лица, черный плащ с алой подкладкой, во-

инственно воздетый меч. Увидела бы такого в темной подворотне – сбежала бы, не оглядываясь. Да и охотник, думаю, не дурак, чтобы с таким Терминатором связываться.

– Что, покрасим Максима гуталином? – со злорадством в голосе поинтересовался Никита.

Неожиданно эта кандидатура нашла одобрение у Инны.

– А вдруг охотник запомнит его в лицо? – аргументировала она. – А в таком гриме сына даже я не признаю.

– Это смешно, – фыркнула Анфиса.

– А еще кто-нибудь есть? – с надеждой спросила Лидия.

– Вот вам вампир последней киномодификации! – объявил Никита.

На экране бледный юноша со стоящими дыбом волосами и ярко подведенными глазами держит в цепких объятиях темноволосую девчущку. Вместо того чтобы вопить от ужаса и спастись бегством, та млеет от наслаждения и смотрит на парня влюбленным взглядом.

– Вы только посмотрите, – возликовала Лидия, – как на нашего Максима похож!

– Это что за юноша бледный с взором горящим? – нахмурилась я. Этот фильм я еще не видела.

– Как, – потрясенно уставилась на нас Анфиса, – вы не смотрели «Сумерки»? О, родные мои, да вы совсем отстали от жизни. Это же Эдвард Каллен – вампир-вегетарианец из экранизации книги Стефани Майер.

– Что? – Лицо Лидии презрительно дрогнуло. – Вегетари-

анец?

– Эти писатели совсем с ума посходили, – проворчала бабушка Софья, и в ее по-девичьи звонком голосе прорезались занудные старческие интонации. – Вампиров на них нет!

– Между прочим, – тоном знатока заметила Анфиса, – по этому вампиру все школьницы мира сейчас с ума сходят. Ну-ка, Никит, дай мне на минутку ноут.

Писательница склонилась над ноутбуком, деловито постукала по клавишам и развернула к нам экран:

– Вот полюбуйтеесь!

Я, Лидия и бабушка Софья с любопытством уставились на открывшуюся белую страничку. Фанатская группа вампира Эдварда носила название «Нам не нужен принц на белом коне, нам нужен вампир и только!».

– Они это что, серьезно? – поразила я, глядя на фотографии юных барышень, оставивших на странице свои признания в любви вампиру.

– Похоже на то, – хмыкнула Лидия. – Ты только прочитай, что тут написано.

– «Раньше девчонки о принце мечтали, – озвучила стихотворный девиз группы бабушка Софья, – в книжках о лошади белой читали, в веке сегодняшнем новый кумир – на «вольво» серебряном Эдвард-вампир!»

Лицо Лидии перекосила брезгливая гримаса:

– Куда катится мир? Раньше нас боялись, как черта, а сейчас в нас влюбляются и хотят стать такими же, как мы. Это

все такие борзописцы, как ты, виноваты! – Она ткнула пальцем в Анфису.

– А что сразу я? – передернула плечами та. – Спрос рождает предложение. О ком мне еще писать, о зеленых чело-вечках и радиоактивных кабанах?

Никита заинтересованно взглянул на нее:

– А что, я мог бы такое снять.

– Все это, конечно, очень интересно, – вмешалась я, – но давайте вернемся к делу. Мне не надо, чтобы по Максусходили с ума школьницы. Мне надо, чтобы охотник, насмотревшийся кино и начитавшийся книг, принял Макса за вампира. Я что, много прошу?

Никита молча щелкнул мышкой – на экране рядом с фотографией красавчика с всклокоченной шевелюрой возник безумный вампир из «Дракулы» – и с великодушным видом разрешил:

– Выбирай!

Я покосилась на Макса. Того явно не радовала ни одна, ни вторая перспектива.

– По мне, так мой внук похож на Роберта Паттинсона больше, чем на Брэда Питта или этого актера, который играет Спайка в «Баффи», – вставил свое слово Никита. – Он высокий, привлекательный, с похожей стрижкой. Да и одежду будет проще найти. У меня, кстати, и куртка такая есть.

Известие о том, что не придется надевать парик, гольфы и кальсоны по образу и подобию Брэда Питта в «Интервью с

вампиром», Макса заметно приободрило.

– Погодите, погодите, – тут же вмешалась Анфиса. – Я вспомнила, есть такой магазин... «Все для вампиров»! Там и одежду подобрать можно!

Она снова завладела ноутбуком, и на экране монитора возникла черная страница с красным готическим шрифтом.

– Полная безвкусица! – скривилась Лидия.

– Вампирский интернет-магазин? – ухмыльнулся Никита. – Прямо сюжет для нового кино.

– А давайте там что-нибудь закажем! – загорелся Рафаэль.

– Что же? – фыркнула Инна, прильнув к экрану и просматривая предлагаемый ассортимент. – Зеркальце в виде гроба, сережки с кровью или трусы с надписью «Укуси меня»? Лиз, ты не хочешь шкатулку в виде гроба, нет? – Она ткнула меня локтем, едва сдерживая смех. – Вон гляди, в ней уже граф Дракула лежит – будет стеречь твои драгоценности как зеницу ока.

– О, – заинтересовалась бабушка Софья, – тут даже настоящие гробы есть!

– Мама, – перебила ее Лидия, – хватит тебе уже одного!

– Родная, мы тебе лучше зонтик с рисунком из гробов подарим, – пообещала Тамара.

– Где? – обрадовалась Софья. – Покажите!

– Так, – вмешалась я, – вы не забыли – мы ищем вампирскую спецодежду для Макса?

– Да-да, – сникла бабушка, – это важнее.

Анфиса открыла страницу с костюмами. Первым согнулся от хохота Никита, следом за ним и всю нашу семейку охватило веселье.

– Так вот как, по мнению людей, мы выглядим? – покати-лась со смеху Лидия.

– Смотрите-смотрите, какие очаровательные крылышки! – захлопала в ладоши Тамара.

– И трость! – подал голос Рафаэль. – Без трости и вампир не вампир, так, полный лузер!

– О, кто этот неотразимый красавец в черном плаще, подбитом красным? Кажется, я влюбилась! – сквозь смех проговорила Инна, прильнув к экрану.

– А как тебе этот бледный мачо в красном жилете и манишке? – Анфиса восторженно причмокнула губами и устремила взгляд на Макса. – По-моему, мы нашли то, что нужно!

Макс изменился в лице и твердо заявил:

– Можете меня покусать – я это не надену!

– Полно, – повысил голос отец, – устроили тут балаган... лимитед.

Смешки стихли, Анфиса торопливо закрыла сайт вампирского магазина.

– Так что решим? – спросил Никита. – Лично я за вампира Эдварда.

Я взглянула на Макса:

– Ты как?

– Делайте со мной что хотите, – обреченно сказал он.

– Хорошо, – кивнула я, – оденься в какие-нибудь темные джинсы и футболку.

– Я привезу куртку, – предложил Никита.

– Отлично. А ты, – я обернулась к Максиму, – завтра заезжай за мной в семь, гримировать тебя будем. Черную подводку и помаду я достану.

– А это обязательно? – Макс испуганно покосился на фото загримированного актера.

– Это необходимо! – отрезала я, подталкивая его к двери.

6

На следующий вечер в преображении Макса принимала участие вся семья. Женщины вытряхнули свои косметички – особенно пригодился тюбик дорогого артистического грима белого цвета, который пожертвовала Камилла. Рафаэль взялся за кисть для макияжа с видом Леонардо, приступающего к написанию «Моны Лизы». Когда художник закончил, все ахнули.

Вампир из Макса получился – загляденье! Белый грим Камиллы, смешанный с зеленоватым жидким корректором, сделал из парня натурального мертвяка. Темно-карие глаза, подведенные черными тенями, еще больше подчеркнули болезненный вид. Должна признаться, бабушка Софья по ночам из гроба без макияжа и то краше встает. Инна взбила сыну волосы, зафиксировав их воском, и всклокоченная шевелюра завершила имидж не от мира сего.

Макс, увидев себя в зеркале, натурально чертыхнулся. И ведь это еще он категорически отказался от черной помады! Впрочем, и без нее он выглядел весьма демонически. Губы у Макса полные и яркие от природы, так что его вполне можно было принять за вампира, только что отведавшего свежей крови.

– Только бы Машка таким не увидела, – пробормотал он. – А то родит раньше времени.

Пока Рафаэль колдовал над Максом, гримируя его под вампира и то и дело сверяясь с фотографией киноактера, я была занята обратным превращением. Из бледнолицей вампириши мне предстояло сделаться обычной девушкой и продемонстрировать здоровый цвет лица и румянец при свете фонарей. А если все пройдет удачно и удастся попроситься к охотнику в гости, то и при ярком электрическом свете.

В преображении мне помогала Камилла, которая, постоянно крутясь в столичной кинотусовке, достигла совершенства в искусстве притворяться человеком. За образец мы сначала взяли все то же фото, но девушка с кинопостера была такой же белокожей, как и ее возлюбленный вампир, и столь же мрачно одетой. Поэтому Камилла этот вариант забраковала, притащила свежий «Космополитен», который лежал в ее сумочке, и принялась красить меня по образу и подобию жизнерадостной девицы из рекламы блеска для губ. Чтобы добиться эффекта загара на моей бескровной коже, Камилле пришлось истратить половину тюбика темного тонального крема. Румяна и помада насыщенно-розового цвета завершили превращение. Довольная своим мастерством, Камилла протянула мне зеркальце. Чепуха, что вампиры не отражаются в зеркалах! Вампирам, которые сетуют на подобные неудобства, следует время от времени протирать зеркала, смывая с них слой вековой пыли и паутины.

Изучая свое отражение, я почувствовала чей-то пристальный взгляд.

– Что-то не так, Лидия? – забеспокоилась Камилла.

– Ты отлично справилась, дорогая, – улыбнулась ей моя мать. А затем, шагнув ко мне, положила руку на мое плечо, и я ощутила, как дрожат ее пальцы.

– Я уже давно не видела тебя такой, Бетти, – с растерянной улыбкой призналась она. – С того самого дня, как ты после Анатоля и Анфисы вошла в кабинет отца...

Я вздрогнула, вспомнив день превращения. Наверное, я побледнела под тональным кремом цвета загара, потому что Камилла подскочила ко мне с кисточкой в руках и замахала ею, добавляя еще больше румян на скулы и оттесняя от меня Лидию.

Мужчины тем временем завершали экипировку новоявленного вампира. Виктор притащил бронезилет, отобрав его у одного из охранников своего клуба.

– На случай, если охотник вздумает стрелять серебряными пулями или внезапно нападет с осиновым колом! – пререк он возражения правнука, застегивая на нем жилет.

Черная кожаная куртка Никиты скрыла бронезилет и завершила превращение.

– Красавчик! – хором оценили тетушки, которых можно было принять за девчонок из фан-клуба Роберта Паттинсона.

– Береги его, Лиза, – с беспокойством шепнула Инна, провожая сына.

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда мы вышли из бункера. Путь до машины Макс преодолел со скоростью спринтера на олимпийской дистанции, подхлестываемый страхом – лишь бы его никто не застал в таком виде. А когда ему навстречу попался прохожий, Макс шарахнулся от него, словно это не он был «вампиром», а, напротив, сам Дракула явился из преисподней по его кровушку.

– Макс, – пожурила его я, садясь на переднее сиденье внедорожника, – так не пойдет. Запомни, сегодня ночью ты – вампир. И ты должен гордиться этим и наводить ужас на людей. А не наоборот! Ну чего ты так мужика этого несчастного испугался?

– Я не испугался, – насупился Макс, – я посторонился.

– Вампиры никому не уступают дорогу, а идут напролом, – назидательно изрекла я. – Заруби себе на носу.

– У нас сегодня что, введение в вампироведение? – огрызнулся племянник, заводя мотор.

– Всего лишь основы вампирских манер, – хмыкнула я.

Макс повернул руль, взглянул в зеркало заднего вида и чертыхнулся, встретившись со своим отражением.

– А если меня гаишник остановит? – с несчастным видом протянул он. – Он же меня по фото на документах не признает!

– Расслабься, ты же все-таки князь тьмы. – Я успокаивающе потрепала его по плечу, но от моего прикосновения Макс напрягся еще больше. – Гаишников я сегодня беру на себя.

– А ты не лопнешь, деточка? – сквозь зубы процедил Макс.

– Вот! – Я удовлетворенно хлопнула в ладоши. – То, что надо! Блеск, настоящий вампир! Теперь я в тебя верю. И даже чуточку боюсь! А если бы ты не был моим племянником, я бы, может, тебя даже захотела...

Макс потешно покраснел под гримом.

– Эх, пожалела на тебя Камилла своей штукатурки, – озабоченно заметила я. – Вон какими пятнами пошел! Вся бледность насмарку!

– Лиз! – прошипел Макс. – Ты меня специально доводишь, чтобы, когда мы будем на месте, я с удовольствием впился тебе в глотку?

– Ну вот, мой блестящий план разгадан! Ты умен, как трехсотлетний вампир.

– Сомнительный комплимент, – скривился Макс.

– А тщеславен ты, как тридцатилетний малолетка, – припечатала я.

Макс замолчал, смирившись с тем, что на каждое его слово у меня найдется новая колкость, и вывернул руль, выезжая на оживленный проспект. А через полчаса мы попали в такую безнадежную пробку, которая грозила затянуться до самого рассвета. Я начала нервничать, поглядывая на километры машин впереди. Макс угрюмо крутил головой, изучая отходные пути. Наш внедорожник со всех сторон был стиснут другими машинами, и невозможно было даже отъехать

к обочине.

– Макс, – бросив очередной взгляд на часы, окликнула я, – давай отсюда как-нибудь выбираться. На машине мы полюбому уже не успеем. Давай кинем ее где-нибудь на стоянке и доберемся до места на метро.

Идея, как я и предполагала, Максиму не понравилась. Над своим новым внедорожником «инфинити» он трясся, как Лидия над прабабкиными бриллиантами, любовно звал его «фиником» и оставлял только на проверенной стоянке. Но сейчас племянника волновал и другой вопрос.

– В таком виде? – недовольно спросил Макс, покосившись в зеркало. Вот теперь он выглядел вампир вампиром. Такому палец в рот не клади – отгрызет по локоть. Но и у меня терпение было на исходе.

– Вопрос, я так понимаю, риторический? Хватит уже из себя жертву изображать, – рассердилась я. – Можешь ты внести свою лепту в общее дело? От тебя только и требуется, что зубами щелкнуть в нужный момент, на охотника страху нагнать и быстро убежать, чтобы он тебя не догнал. А уж я сама его потом раскалывать буду.

– Ладно, Лизка, извини. Просто не по душе мне все это. Чувствую себя чучелом огородным! – буркнул Макс и попытался по привычке взъерошить волосы. Но тут же увяз пальцами в склеенных воском вихрах и выругался, вытаскивая платок и вытирая руки: – Фу, мерзость!

– Максик, – ласково проворковала я, молитвенно сложив

ладони, – ну побудь ты хоть один день красавчиком. Ну ради меня!

Тяжело вздохнув, он опустил голову в знак согласия.

– О'кей, давай отсюда выбираться.

Еще через четверть часа мы вырвались из пробки, доехали до ближайшей станции метро и оставили внедорожник на пустой стоянке какого-то пафосного ресторана. Пришлось внушить охраннику, что мы важные клиенты.

– Я велела ему стеречь «финик» как зеницу ока, – шепнула я Максу. – Так что за его сохранность можешь не волноваться.

По мере приближения к подземному переходу Макс мрачнел на глазах. Народу прибавлялось, на Макса обращали внимание. Одна бабушка испуганно чертыхнулась и перекрестилась; школьницы, сбившиеся в стайку у газетного киоска, как по команде повернули головы и в немом восхищении провожали Макса взглядом. Их мысли заглушили даже гул толпы и проносящихся машин.

– Макс, – я с трудом подавила смешок, – они считают тебя красавчиком.

Макс затравленно покрутил головой по сторонам. Девочки, увидев, что их кумир обернулся, все разом трянули волосами, выпятили грудь колесом и попытались принять завлекающие позы. Перепуганный Макс отпрыгнул назад так, что чуть не упал. Я удержала его за локоть и подтолкнула к ступенькам, ведущим в подземный переход.

– Идем, времени в обрез.

Даже в переполненном вагоне метро в час пик появление Макса вызвало фурор. Макс притягивал к себе заинтересованные взгляды женской аудитории от семи до пятидесяти. Прыткая студенточка на следующей остановке перебежала по платформе в другую дверь вагона, чтобы оказаться к нам поближе. Усталая дама в элегантном пальто и шляпке, которую то и дело приходилось придерживать руками, чтобы ее не унесло толпой, уже третью остановку подряд прожигала Макса пламенным взором. В какой-то момент шляпку все-таки сорвало и вынесло с толпой на перрон, но дама этого даже не заметила.

– Лиза, – проскулил Макс мне на ухо, – долго ехать?

И он еще ноет! Муки, которые испытываю в этой духоте я, с его не сравнить. Я даже стараюсь не дышать – запах людской крови настолько плотно смешался с запахом пота и парфюма, что я вот-вот или в обморок грохнусь, или кого-нибудь разорву. Я не спускалась в метро уже лет десять и не подозревала, что за эти годы оно превратилось в натуральный ад. Чтобы отвлечься, остается только подшучивать над Максом.

Услышав, что пытка продлится еще не меньше двадцати минут, Макс совсем упал духом.

– Терпи, дилетант, вампиром будешь, – ободрила я его.

– У меня такое чувство, что на меня все пялятся, – пожаловался племянник.

– Вампирский магнетизм, – хмыкнула я. – Привыкай!

– Да лучше б мне под землю провалиться, – сердито ответил Макс.

– Ты и так под землей, – напомнила я.

Развлекая Макса таким образом, я едва не пропустила нужную остановку. Это нас и спасло. Мы выскочили из вагона за секунду до того, как двери закрылись. Нам вслед донесся мучительный стон – то ли мысленный, то ли настоящий. Все женщины подались к окнам, чтобы в последний раз взглянуть на Макса. Сдается мне, что, если бы мы стали готовиться к выходу заранее, вместе с нами вышла бы вся женская часть вагона. И как бы мы ловили охотника с такой группой поддержки?

Поднявшись наверх, мы остановились у перехода, пытаюсь сориентироваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.